

**САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ (ФИЛИАЛ)
УНИВЕРСИТЕТА ПРОКУРАТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**Е. Е. АМПЛЕЕВА, И. Б. ЛОМАКИНА,
О. Е. ТИМОЩУК, И. Л. ЧЕСТНОВ**

**ПРОИЗВОДСТВЕННАЯ ПРАКТИКА
(НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ПРАКТИКА)**

Учебное пособие

**Санкт-Петербург
2024**

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ (ФИЛИАЛ)
УНИВЕРСИТЕТА ПРОКУРАТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Е. Е. АМПЛЕЕВА, И. Б. ЛОМАКИНА,
О. Е. ТИМОЩУК, И. Л. ЧЕСТНОВ

ПРОИЗВОДСТВЕННАЯ ПРАКТИКА (НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ПРАКТИКА)

Учебное пособие

Санкт-Петербург
2024

УДК 340(075)
ББК 67.0я73
А62

Рецензенты

А. А. ДОРСКАЯ, заместитель директора по научной работе, заведующая кафедрой общетеоретических правовых дисциплин Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, профессор.

А. А. БОЕР, заведующая кафедрой гражданского права Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения, кандидат юридических наук, доцент.

Амплеева, Е. Е.

А62

Производственная практика (научно-исследовательская практика) : учебное пособие / Е. Е. Амплеева, И. Б. Ломакина, О. Е. Тимошук, И. Л. Честнов. — Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2024. — 115, [1] с.

ISBN 978-5-6051510-7-4

В учебном пособии в соответствии с унифицированной программой излагаются основы юридической методологии и ее основные типы, а также конкретные методы юридического исследования, необходимые для осмысления методологических проблем современной юридической науки.

Практическая значимость учебного пособия заключается в формировании навыков современного студента в проведении научно-исследовательской деятельности в рамках прохождения производственной практики (научно-исследовательской практики). Кроме того, представленный материал можно использовать для внутренней классификации структуры науки и возрождения многих «забытых» имен и учений в качестве предмета исследования.

Учебное пособие предназначено для обучающихся по программам высшего образования по укрупненной группе специальностей и направлений подготовки 40.00.00 Юриспруденция.

УДК 340(075)
ББК 67.0я73

ISBN 978-5-6051510-7-4

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Предисловие</i>	4
1. МЕТОДОЛОГИЯ ЮРИСПРУДЕНЦИИ	8
1.1. Объект и предмет науки. Специфика объекта и предмета юридической науки.....	10
1.2. Методология и ее основные типы в юриспруденции.....	21
1.3. Функции юридической науки.....	34
1.4. Структура юридической науки.....	52
1.5. Критерии научности юридической теории.....	64
1.5.1. Классические критерии научности юриспруденции.....	65
1.5.2. Постклассические критерии научности юридической теории.....	75
2. МЕТОДИКА ПРОВЕДЕНИЯ НАУЧНОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ	84
2.1. Требования, предъявляемые к конкретному научному юридическому исследованию.....	—
2.2. План (развернутая программа) конкретного научного юридического исследования.....	87
2.3. Оформление результатов конкретного научного юридического исследования.....	91
Рекомендуемая литература.....	114

ПРЕДИСЛОВИЕ

Учебное пособие «Производственная практика (научно-исследовательская практика)» призвано не только показать важность и значимость научных исследований в эпоху постсовременности, но и сформулировать новую методологию, адекватную историческому и социокультурному контексту современного исследователя. Другой, прикладной задачей представленного учебного пособия является подбор для обучающегося актуальной методики проведения конкретного научного исследования в области юриспруденции, а также оформления результатов и закрепления на будущее полученных навыков его проведения.

Производственная практика (научно-исследовательская практика) предполагает исследовательскую работу, направленную на развитие у современного исследователя способности к самостоятельным теоретическим и практическим суждениям и выводам, выработку умений объективной оценки научной информации, развитие свободы научного поиска и стремления к применению научных знаний в образовательной деятельности. Производственная практика (научно-исследовательская практика) предполагает как общую программу для всех обучающихся по образовательной программе юридического факультета Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации (далее — Институт), так и индивидуальную программу, направленную на выполнение конкретного задания.

Производственная практика (научно-исследовательская практика) является обязательной составляющей образовательной программы специалитета и направлена на формирование универсальных общепрофессиональных и профессиональных компетенций. Производственная практика (научно-исследовательская практика) позволит каждому обучающемуся самостоятельно провести правовой анализ историко-правовых и теоретико-правовых процессов, происходящих в российском обществе в последние 10—15 лет, определить их теоретическую и научную основу, даст возможность научиться правильно распределить свои интеллектуальные силы, подобрать материал и прорабо-

тать теоретическую часть собственного научного исследования. Кроме того, полученные студентом в ходе прохождения практики результаты исследования могут быть использованы в дальнейшем при написании научной статьи, курсовой и дипломной работы или применены в практической деятельности органов и организаций прокуратуры, а также в работе выпускающей кафедры.

Целями производственной практики (научно-исследовательской практики) обучающихся являются структурирование, обобщение, систематизация, углубление, закрепление полученных необходимых теоретических и правовых знаний, сформированных практических умений и навыков в результате освоения дисциплин учебного плана по специальности 40.05.04 «Судебная и прокурорская деятельность», обеспечивающих уровень специальной профессиональной подготовки для прохождения службы в органах прокуратуры Российской Федерации, посредством их применения при выполнении индивидуальных заданий по направлениям прокурорской деятельности, в том числе при самостоятельном решении профессиональных задач; формирование компетенций, необходимых для проведения научно-исследовательской деятельности.

Производственная практика (научно-исследовательская практика) является обязательным элементом учебного процесса, ориентированным на научно-исследовательскую и профессионально-практическую подготовку обучающихся, основана на знаниях и умениях, сформированных в процессе изучения дисциплин, относящихся к базовой и вариативной частям программы.

Конкретные сроки начала и окончания производственной практики (научно-исследовательской практики) корректируются учебным планом Института на каждый год, и суммарно ее продолжительность составляет две недели (один день в неделю — 14 недель). Все обучающиеся на втором курсе юридического факультета проходят производственную практику (научно-исследовательскую практику) на кафедре теории и истории государства и права, учебные часы, выделяемые на контактную работу, определены учебной программой Института и включают шесть лекционных часов, а также самостоятельную работу студента при научном руководстве преподавателя.

Использование студентами методических указаний позволит им ознакомиться с основными требованиями к прохождению

практики, правилами оформления ее результатов в виде пакета отчетных документов и выполнения индивидуального задания. Кроме того, методические рекомендации дадут возможность повысить уровень научно-исследовательской деятельности студентов и качество подготовки курсовой работы и будущей выпускной квалификационной работы.

Задачи научно-исследовательской практики:

закрепление, углубление теоретических знаний, умений и навыков, полученных студентами в процессе обучения;

овладение навыками проведения самостоятельной научно-исследовательской деятельности;

формирование умения использовать различные методы научного познания в самостоятельной научно-исследовательской работе;

формирование умения решать практические задачи с использованием современных методов исследований;

ознакомление с основными методами сравнительно-правового анализа;

приобретение современных навыков сбора, обработки и использования научной информации по исследуемой проблеме;

ознакомление с инновационной юридической (правовой) терминологией и информацией, в том числе специальной;

подготовка материалов по индивидуальному заданию;

приобретение навыков структурированного письменного изложения результатов научных исследований;

приобретение навыков устного публичного выступления (посредством участия в конференциях, семинарах, круглых столах);

формирование навыка представления результатов проведенного исследования в виде научного отчета, статьи, доклада;

участие в научно-исследовательской работе кафедры;

осуществление сбора материала для подготовки и написания научного исследования на заданную тему.

Научно-исследовательская работа студентов при прохождении производственной практики (научно-исследовательской практики) направлена на овладение методологией ее организации и проведения, овладение основными методами и приемами исследования, а также на самостоятельное осуществление научно-исследовательской работы с формированием компетенций, соответствующих данному виду деятельности. Научно-исследовательская работа во время прохождения практики соотно-

сится с такими видами профессиональной деятельности юриста, как аналитическая, научно-исследовательская, организационно-методическая и воспитательная работа.

Организация прохождения практики и методическое руководство осуществляются преподавателями кафедры теории и истории государства и права, объем и содержание научно-исследовательской работы определяются программой практики. Форма контроля — зачет.

Цель представленного издания — дать наглядное представление обо всех этапах научно-исследовательской работы и форме ее контроля. В учебном пособии описан процесс выполнения научно-исследовательской работы, а именно порядок утверждения индивидуального задания, общие требования, предъявляемые к структуре, содержанию и оформлению отчета, этапы выполнения научного исследования и последующей защиты результатов научно-исследовательской практики.

1. МЕТОДОЛОГИЯ ЮРИСПРУДЕНЦИИ

Методология науки — это учение о методах, включающее не только анализ познавательных средств, но и более широкую проблематику: что познается, кто проводит научное исследование, насколько оно соответствует критериям научности, что такое наука, какова ее структура и др. Поэтому такие вопросы, как определение объекта и предмета юриспруденции, ее структуры, критериев научности, места в системе наук, относятся к числу методологических и анализируются вместе с рассмотрением методов изучения государства и права.

Прежде чем приступить к изложению основных положений методологии и методики конкретного научного юридического исследования, необходимо показать состояние постсовременной эпистемологии — особого раздела философии, в котором исследуется положение дел в современной науке. Для начинающего исследователя важно понять, что происходит сегодня в юридической науке, почему она утратила свой привилегированный социальный и эпистемологический статус.

Приведем позицию одного из авторов пособия, опубликованную в научной периодике: если использовать количественные методы научного анализа применительно к данному вопросу, то состояние юриспруденции в нашей стране достаточно стабильное — неуклонно растет количество научных публикаций, защищаются диссертации, проводятся научные симпозиумы и конференции; в то же время сами по себе количественные показатели ничего не говорят о качестве состояния науки, поэтому важно попробовать дать именно такую — качественную, или содержательную, оценку современной российской юриспруденции в контексте общемировых трендов¹.

---

¹ Честнов И. Л. Состояние юридической науки в постсовременном обществе // КриминалистЪ. 2021. № 3 (36). С. 3—7.

Если рассуждать о состоянии современной науки (включая, конечно, и юриспруденцию) с философских позиций — с точки зрения постклассической эпистемологии, которая задает исходные основания для конкретных научных исследований, — то приходится констатировать, что наука в конце XX — нач. XXI в. изменила, можно даже сказать, утратила свой привилегированный статус. И это касается как ее социального статуса, так и связанного с ним науковедческого. Если ранее, начиная с эпохи Просвещения, а может быть и еще раньше, наука считалась чрезвычайно престижным занятием (при этом речь идет о социальном статусе науки в общемировом измерении), то сегодня она стала одним из видов человеческой деятельности, не слишком хорошо оплачиваемым и не очень престижным.

При этом необходимо отметить любопытный парадокс: сегодня становятся востребованными как никогда технологические знания, прежде всего в области информационных, цифровых процессов. Однако навыки владения компьютером, как необходимый аспект современной культуры, — это не научное знание. Более того, если «прикладная наука» продолжает достаточно активно развиваться, то с фундаментальной наукой ситуация совсем не столь радужная. И это весьма тревожный симптом: без «высокой» теории невозможны эффективные технологии и практики. Такого рода парадокс — один из нескольких «вызовов» общества постмодерна современной науке. При этом фундаментальная наука (и философия науки) сегодня гораздо лучше, чем прежде, видит свои пределы и ограничения. Современная наука гораздо больше знает о том, что она не знает. Так, сегодня стало очевидно, что даже оснащенная самыми передовыми методами наука не может предсказать отдаленные последствия любого более или менее сложного (значимого) социального преобразования, его побочные результаты по причине отсутствия позиции абсолютного наблюдателя, обладающего всей полнотой знаний, необходимых для принятия оптимального решения. Более того, сама реальность сегодня признается как характеризующаяся сложностью, имманентной непредсказуемостью, поэтому приходится довольствоваться малым — ситуативностью. Лучше не навредить скоропалительными решениями, чем принимать их с высокой степенью риска.

1.1. Объект и предмет науки. Специфика объекта и предмета юридической науки

Предмет науки — важный аспект методологии, который задает видение предмета конкретного научного исследования. От того, как сформулирован предмет конкретного правового исследования, во многом зависит его качество и результат. При этом следует иметь в виду, что определение или конструирование предмета как науки, так и конкретного научного исследования — достаточно сложная задача.

Предмет науки необходимо отличать от близкого понятия — объекта науки. Предмет любой науки, в том числе юридической, — это то, что она изучает. Так, по крайней мере, считается в классическом науковедении. Такой подход проистекает из идеи репрезентатизма и корреспондентской теории истины, сформулированной еще в конце XIX в.: человек познает объективную реальность, в результате формируется представление о ней, и если это представление (или образ) соответствует (адекватно, т. е. точно, полно, верно отражает) тому, что существует в мире, то такое познание является истинным. Однако сама по себе реальность — это не предмет науки, а ее объект. Точнее, объект — это представление субъекта о том, что с его точки зрения этот аспект внешнего для него мира желательно (полезно, значимо) исследовать, или — первое приближение к познаваемому.

Объектом юридической науки уместно считать право как таковое (его очевидную данность), или специфику правовой реальности.

Предмет науки, юридической в том числе, — это процесс и результат глубокого, систематического исследования реальности — того, что субъект считает важным и достойным изучения¹. При этом следует иметь в виду, что предмет науки это не застывший результат изученного (важного аспекта объекта), а постоянно продолжающийся (динамичный) процесс все более полного и углубленного познания той стороны реальности, которую субъект считает принципиально значимой. Это связано с тем, что изучение чего-либо изменяет представление об изучаемом, т. е. изменяются границы предмета соответствующих зна-

---

¹ Проблемы общей теории права и государства : учебник / Н. В. Варламова, В. В. Лазарев, В. В. Лапасава [и др.] ; под ред. В. С. Нерсесянца. М., 1999. С. 4.

ний, хотя при этом, как это ни странно, изменяются и границы объекта — «горизонта» того, что предстоит изучить.

Предмет науки, следовательно, это не сама по себе объективная реальность (в таком случае предмет науки неотличим от объекта) и даже не ее рефлексивный образ, а гносеологическое отношение познания (восприятия, описания, объяснения, интерпретации и, насколько это возможно, предсказания) по воспроизводству образа, или концепта права. Субъект выделяет из объекта его определенную сторону, аспект, для последующей практической деятельности по его использованию¹.

Рассмотрим *факторы, определяющие предмет юридической науки*, которые задают ракурс предмета конкретного правового исследования.

Прежде всего, предмет юриспруденции зависит от того, что изучается. Предмет юридической науки зависит от уровня накопленных знаний, он непосредственно связан с тем, на какой стадии исторического развития находится соответствующее общество. Очевидно, что по мере «взросления» социума представления о праве изменяются в сторону их развития, углубления, уточнения. При этом изменяется акцент субъекта познания на те или иные стороны объекта в силу их актуальности для данного общества. Смена актуализации той или иной стороны объекта обусловлена как объективными обстоятельствами (спецификой состояния общества), так и сменой доминант (универсалий, по терминологии В. С. Стёпина, или эпистем, если следовать словарю М. Фуко) культуры — господствующих в данное время в данной цивилизации представлений о мире, человеке в нем и т. д. В любом случае изменение уровня накопленных знаний о праве трансформирует определение предмета юриспруденции. Каждой исторической эпохе свойственно по-своему определять предмет юриспруденции.

Принципиальное значение для определения предмета юриспруденции имеет тип цивилизации, в которой существует эта дисциплина и к которой принадлежит субъект, ее конструирующий. Разные типы цивилизации обуславливают различные

---

¹ То, что познание (как процесс, так и результат) зависит от социокультурных и исторических, а также психологических факторов, считается доказанным в социологии знания и социальной психологии науки (и когнитивной психологии).

образы правовой реальности¹ и отличающиеся друг от друга правовые системы.

В результате предмет юридической науки (как и ее существование) получает специфическое именно для данной культуры — характерные черты цивилизации². Социокультурный контекст, несомненно, оказывает значительное влияние как на отдельного представителя научного сообщества, так и на всю совокупность ученых. Однако это воздействие не прямое, а опосредованное, в частности, существующими ценностями и нормами науки (этосом), ее внутренней структурой, категориальным аппаратом и др., преломляющими и адаптирующими социокультурное воздействие. В то же время нельзя не обращать внимание и на процесс трансляции и даже переноса и заимствования научных знаний, как в исторической ретроспективе, так и в кросс-культурном аспекте (речь идет о «навязывании» образцов науки Западом всем остальным регионам мира). В любом случае отрицать влияние социокультурного контекста на формирование предмета юриспруденции невозможно, как и не следует его переоценивать, считать, что он прямо и непосредственно его (предмет) определяет.

На предмет юриспруденции влияет также отношение социума и власти к данной дисциплине, выражающееся как в институционализации этой дисциплины, ее финансировании, так и в применимости соответствующих знаний на практике. Важным показателем востребованности научной дисциплины в этой связи выступает ее престиж в общественном сознании и,

---

¹ Несомненный интерес в этой связи представляют исследования Ю. М. Лотмана, Б. А. Успенского и Ю. С. Степанова, в которых показывается специфика русской культуры и ее отличия от западной культуры, прежде всего в восприятии социально-политических явлений. — Лотман Ю. М., Успенский Б. А. Роль дуальных моделей в динамике русской культуры (до конца XVIII века) // Успенский Б. А. Избранные труды. В 3 т. Т. 1. Семиотика истории. Семиотика культуры. М., 1996. С. 338—380 ; Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М., 1997. 825 с. Небезынтересным является также российско-французское исследование восприятия образа права: Курильски-Ожвен Ш., Арутюнян М. Ю., Здравомыслова О. М. Образы права в России и Франции. М., 1996. 215 с.

² На том, что именно культурные различия, вытекающие из религиозных оснований, являются определяющими в XXI в., настаивает сегодня один из основоположников теории модернизации С. Хантингтон. — Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / пер. с англ. Т. Велимеева. М., 2006. 571 с. (Philosophy).

как следствие, — ее выбор абитуриентами и процесс образования. В этой связи интересно, что возникновение юридической науки самым непосредственным образом было связано с преподаванием римского права в первых средневековых европейских университетах, благодаря чему, собственно, юридическая наука и формируется, хотя по идее все должно было быть наоборот: сначала возникает наука, а потом она начинает преподаваться¹. Следует заметить, что отношение общества и науки всегда опосредовано властью, которая может стимулировать или затормозить развитие соответствующей науки, например генетики или кибернетики в нашей стране. Поэтому одной из задач ученых является пропаганда и популяризация своих достижений, в том числе для того, чтобы интерес общества и власти к соответствующей области знаний не ослабевал.

Предмет юриспруденции — и это принципиально важно, поэтому остановимся на этом вопросе несколько подробнее, — зависит и от того, какой *тип правопонимания* господствует в данную эпоху, в данной культуре и в данном научном сообществе. Как известно, существует три «классических» типа правопонимания: теория естественного права, юридический позитивизм и социология права. Господствующим в современной юриспруденции на сегодняшний день является позитивистский тип, или концепция права. Для сторонника позитивизма право — это внешние формы его нормативности: законодательство, юридические (в основном судебные) прецеденты, нормативные правовые договоры, правовые обычаи и др. Именно их, по мнению представителей юридического позитивизма (в первую очередь такого направления позитивизма, как нормативизм), и должен тщательнейшим образом изучать юрист. Такие вопросы, как правовая политика (образование права и его реализация) или моральные оценки законодательства, по их убеждению, к предмету юриспруденции не относятся. Так, Г. Кельзен не отрицал важности их изучения, но полагал, что это задача социологии, политологии и моральной философии.

Очевидно, что юрист должен изучать формы внешнего проявления права (в первую очередь его нормативности). Однако такой подход не принимает во внимание важные проблемы,

---

¹ См. подробнее: Берман Г. Западная традиция права. Эпоха формирования : пер. с англ. М., 1994. 590, [1] с.

которые кого, как не юриста, должны волновать: почему в такой-то стране существуют такие законы, насколько они эффективны, являются ли они справедливыми, выражают ли они интересы общества и т. п. Без их решения юриспруденция может превратиться в схоластику, оторванную от запросов жизни. Поэтому предмет юриспруденции должен включать не только комментарии к действующему законодательству, но и кое-что еще. Что именно? На этот вопрос свой ответ предлагают сторонники теории естественного права и социологии права.

Представитель юснатурализма (концепции естественного права) основной акцент будет делать на природу человека, обуславливающую неотчуждаемые права личности и моральные принципы. Именно права человека и моральные принципы (принцип справедливости, формального равенства и т. п.), по мнению сторонников этого подхода¹, выступают метаправовыми основаниями и служат критерием оценки действующего законодательства (и всех иных форм права). Тем самым предлагается решить проблему справедливости законов: если они не отвечают критерию справедливости, то не могут считаться правовыми и потому должны быть отменены, например, конституционным судом соответствующей страны. Однако главной проблемой, камнем преткновения как раз и выступают такие критерии. Так, известный немецкий теоретик права Г. Радбрух предложил «формулу», которую стали называть его именем: закон не является правовым, если он является «вопиюще несправедливым»². Заметим, что в данном случае критерий справедливости определяется не позитивно, а «негативно». Г. Радбрух полагал, что в современном обществе (в середине XX в.) невозможен консенсус по поводу того, что считать справедливым, но существует общее согласие относительно «вопиющей несправедливости», таких действий, которые все признают как несправедливые (геноцид, массовые убийства, систематическое нарушение основных прав человека и др.). Признавая перспективность такого подхода (гораздо большую по сравнению с юридическим позитивизмом), заметим, что сегодня наличие консенсуса даже

---

¹ Например, авторитетного австралийского философа права Дж. Финниса. — Финнис Дж. Естественное право и естественные права / пер. с англ. В. П. Гайдамака и А. В. Панихиной. М., 2012. 562, [1] с. (Серия «Право»).

² Радбрух Г. Философия права / пер. с нем. Ю. М. Юмашева. М., 2023. С. 45.

по вопросам крайней несправедливости в многосоставных обществах проблематично. Но, возможно, важнее другое: а как все же быть с позитивной справедливостью? Насущно необходима оценка не только запретительных законов, но и тех, которые содержат управомочивающие и обязывающие нормы права. Для них критерии естественного права, получается, не работают. Однако при все при том определение предмета юриспруденции с точки зрения теории естественного права шире, чем в юридическом позитивизме, и более перспективно, так как включает анализ не только законодательства, но и моральных (включая права человека) критериев его оценки.

Существует третий тип правопонимания — социология права. Подавляющее большинство социологов права со времен Е. Эрлиха справедливо полагают, что обыватели плохо знакомы с законодательством, а в своей повседневной юридической практике (например, во взаимоотношениях на работе, в магазине или общественном транспорте, при заключении договора и т. д.) руководствуются так называемым «живым правом» — обычаями и традициями, некоторые из которых являются правовыми. Именно их и нужно изучать, конечно, во взаимодействии с позитивным правом.

Однако существует более важный и перспективный подход в рамках социологии права — диалектический. П. Б. Пашуканис, И. П. Разумовский, С. И. Аскназий, Л. И. Спиридонов полагали, что социология права должна исследовать влияние общества на право и права на общество, в том числе исторический и социокультурный контекст. Тем самым социолого-правовая программа включает в предмет юридического исследования три аспекта: выявление потребности в нормативном правовом регулировании, например новых общественных отношений; закрепление этой потребности в соответствующей форме (или формах) права; реализацию формы (форм) права в фактическом правопорядке. Очевидно, что такой подход формулирует предмет юриспруденции шире, по сравнению, по крайней мере, с юридическим позитивизмом.

Как видим, между этими классическими подходами к определению предмета юриспруденции, несомненно, существуют точки соприкосновения. Все они, например, не могут не включать в предмет этой дисциплины нормы права. Однако понимаются они (нормы права) сторонниками различных концепций

правопонимания по-разному: как «природа человека», статья нормативно-правового акта или обычай. Однако классические типы правопонимания, включая и социологию права, не лишены некоторых недостатков, главный из которых — одномерность. Все они акцентируют внимание на одной стороне права и в лучшем случае принимают во внимание другие его аспекты как второстепенные.

Между тем адекватное правопонимание и тем самым определение предмета юриспруденции должно включать механизм взаимодействия, взаимной обусловленности всех существенных аспектов бытия права. На роль такого подхода сегодня претендует постклассическая научно-исследовательская программа¹.

С точки зрения постклассической теории права предмет юриспруденции многомерен, контекстуален, изменчив. Многомерность предмета правоведения связана с тем, что право взаимодействует со всеми другими социальными и даже природными явлениями и процессами. Особо следует выделить связь права с культурой, политикой и экономикой (но нельзя забывать и о связи с демографией, техникой, климатом или экологией). Важнейшим аспектом бытия права является человек², социализированный в соответствующей культуре, который конструирует предмет юриспруденции и воспроизводит его своими практиками. Поэтому постклассическая теория права неизбежно антропологична — человекомерна — по своему содержанию.

Контекстуальность предмета юриспруденции связана с тем, что право обусловлено другими социальными (и природными) явлениями и процессами. По большому счету, не существует «чистых» правовых явлений, все они выступают формами других — неправовых феноменов: конституционное право — формы политики, гражданское право — экономики, административное право — управления, трудовое право — трудовых отношений и т. д. Именно форма позволяет вычленить правовой момент в юридически значимых фактических взаимодействиях, которые можно наблюдать в повседневной жизни. Контекст также задается исторической эпохой, о чем уже шла речь выше.

---

¹ См. подробнее: Постклассические исследования права : Перспективы научно-практической программы : монография / И. В. Боровцов, Я. И. Гилинский, Л. А. Голубева [и др.] ; под ред. Е. Н. Тонкова, И. Л. Честнова. СПб., 2023. 500 с. (Серия «Толкование источников права»).

² Речь идет, конечно, о человеке во множественном числе — о людях современного общества со сложной социальной стратификацией.

Динамизм формулирования предмета юриспруденции уже обсуждался выше. Именно потклассический подход позволяет продемонстрировать, как протекает или осуществляется этот динамизм. Его образует или выражает процесс означивания (семиозис) человеком (представителем власти или референтной группы) тех социальных ситуаций, которые представляются наиболее важными, значимыми. В результате они наделяются юридической формой. Кто и почему определяет именно такую «юридическую значимость» — вопрос конкретного юридического исследования.

Таким образом, вышеизложенное позволяет сформулировать промежуточный вывод: *предмет юридической науки не является заданным, но конструируется субъектом в рамках объекта*. Определение предмета науки — это активная деятельность субъекта, но отнюдь не произвольная: она обусловлена как объектом, так и историческим и социокультурным контекстом, о котором речь шла выше.

Каково *содержание предмета юридической науки*? Классическое науковедение одно из главных отличий науки от «ненаучных» форм знаний видит в том, что именно наука изучает *закономерности* соответствующего объекта. Другими словами, предмет науки образуют закономерности, изучаемые наукой. Поэтому предметом юриспруденции служат закономерности возникновения, развития и функционирования правовых явлений, как можно прочесть в подавляющем большинстве учебников по теории государства и права. Закономерность (или закон) с позиций классической эпистемологии (науковедения) — это связь сущностей явлений, процессов, порядок или последовательность их возникновения, изменения и развития, действующие при определенных условиях¹.

По поводу приведенной точки зрения следует заметить, во-первых, что предмет юридической науки составляют не сами по себе, допустим, закономерности, но знания, представления о них субъекта. Неслучайно В. М. Сырых пишет о «познанных

---

¹ Сырых В. М. История и методология юридической науки : учебник. 2-е изд. М., 2024. С. 49. Ниже он (что весьма симптоматично) указывает не только на условность законов, но и на их вероятностный, статистический характер. — Там же. С. 53. При этом в предмет общей теории права, по мнению В. М. Сырых, входят закономерные связи права с неправовыми явлениями. — Там же. С. 63.

закономерностях», утверждая, что структуру правовой науки образует не юридическая практика, а знания¹. Во-вторых, большинство сложных систем (а право, несомненно, относится к числу таковых) являются диссипативными², т. е. открытыми (постоянно обменивающимися веществом и энергией со средой), неравновесными (характеризующимися неустойчивой внутренней структурой) и нелинейными (способными к самоорганизации).

Все это свидетельствует о том, что признание существования законов (по крайней мере, в их классическом варианте), наиболее важным из которых является причинно-следственная зависимость, сегодня достаточно проблематично. Н. Н. Моисеев в этой связи писал, что «...закон причинности нельзя доказать логически и вывести из каких-либо других аксиом. Или даже четко определить!... Нам следует набраться мужества отказаться от тривиального представления о причинности, когда нам кажется, что одни и те же “причины“, действующие на один и тот же “объект“, обязательно должны порождать одни и те же следствия»³. Р. Будон, известный французский социальный философ, небезосновательно заявлял, что крах теорий социального изменения, которые строились на основе прогнозов и были опровергнуты самой жизнью, произошел из-за господства в классической науке закономерностей, рассматривавшихся как универсальные и вневременные. Это заставляет пересмотреть теорию причинности и, соответственно, представление о социальных (добавим от себя — и политико-правовых) закономерностях⁴.

---

¹ Там же. С. 296.

² «Диссипация» — рассеяние вещества и энергии.

³ Моисеев Н. Н. Расставание с простотой. М., 1998. С. 61. (Серия «Путь к очевидности»).

И. Р. Пригожин обращает внимание на то, что в 1986 году сэр Д. Лайтхил, ставший позже президентом Международного союза чистой и прикладной математики, сделал удивительное заявление: он извинился от имени своих коллег за то, что в течение трех веков образованная публика вводилась в заблуждение апологией детерминизма, основанного на законах Ньютона, тогда как можно считать доказанным, по крайней мере с 1960 года, что этот детерминизм оказался ошибочной позицией. — Пригожин И. Философия неустойчивости // Вопросы философии. 1991. № 6. С. 48.

⁴ Будон Р. Место беспорядка : Критика теорий социального изменения. М., 1998. С. 5, 216 и др.

Если можно говорить о правовых закономерностях, знания о которых образуют предмет юридической науки, то лишь как об условных и вероятностных тенденциях. Такого рода тенденции, несомненно, представлены в любой науке (собственно, этим наука отличается от собрания нарративов — рассказов). Но они действуют только при определенных исторических и социокультурных условиях и проявляются как закон больших чисел. В. М. Сырых правильно пишет: «Одна и та же объективная закономерность в различных конкретно-исторических условиях проявляет себя по-разному, действует инвариантно. И доказать преимущество какого-либо одного варианта перед другим, апеллируя к познанным объективным закономерностям, не представляется возможным... Методом проб и ошибок, последовательно проверяя научные теории, государство устанавливает более или менее эффективную систему действующего права»¹. В общем и целом контекстуальные и вероятностные тенденции функционирования правовой реальности, описываемые, объясняемые и интерпретируемые категориями юридической науки, и образуют содержание ее предмета.

Предмет юриспруденции, если подходить к нему с позиций постклассической эпистемологии, является внутренне *диалогичным*. Классическая наука, в том числе юридическая, исходила из примата одной стороны наиболее важной антиномии социального мира (личность — общество). В результате господствовал либо методологический (превращающийся в онтологический) индивидуализм, представленный, например, индивидуалистическими теориями естественного права², или общественного договора, либо органицизм, выраженный в концепциях исторической школы права, или институционализма. Первые постулировали приоритет самоволящего индивида, который по своему разумению устанавливает социальные институты, тогда как вторые в качестве основания утверждали социальное целое, выводя его из постулируемой объективной потребности (духа нации, или солидарности)³.

---

¹ Сырых В. М. История и методология ... М., 2024. С. 325.

² Имеются в виду западные теории естественного права Г. Гроция или Д. Локка, но не концепции Б. Н. Чичерина или В. С. Соловьева.

³ Проблема оснований правовой теории созвучна герменевтическому «кругу» — проблеме того, что должно изучаться сначала: части, из которых скла-

Диалогическая эпистемология (и онтология) в качестве основания считает не один из аспектов (сторон) социального образования, а процесс их взаимообусловленности и взаимоперехода. Такая взаимообусловленность проявляется в диалоге структуры и личности. В этом смысле социальный (и политико-правовой) институт есть безличностная связь между социальными (правовыми) статусами (характеристика органицизма), воспроизводимая конкретными действиями персонифицированных субъектов (а это уже установка методологического индивидуализма). Государственный служащий, например, в таком случае — это «диалог» (взаимообусловленность) юридического статуса и конкретного человека — носителя должностной компетенции.

Другой не менее важной антиномией социального мира является противоречие идеального и материального. Их диалогичность проявляется в том, что любое социальное (и правовое) действие, процесс, явление «сопровождается» (воспроизводится, моделируется, при этом всегда частично, но включая характеристики, не присущие материальному объекту) его идеальным образом. Последний всегда «домысливает» те стороны и аспекты социального явления, которые остаются непосредственно не наблюдаемы¹. Так как любой образ (знак) имеет материальный референт, объективированный хотя бы словесно (когда речь идет, например, о симулякрах), то, следовательно, право — это не фикция, но система знаков, которая реализуется в определенных объективированных и потому материальных формах. Все это свидетельствует о необходимости учитывать (вводить в предмет юриспруденции) как объективные (материальные) характеристики права, так и представления о них субъекта правовой реальности.

И последнее замечание, касающееся предмета юридической науки. «Право, — неоднократно повторял Л. И. Спиридонов, — лишь момент или аспект общества, реально существующий как элемент (сторона) социально-экономической формации. Поэтому право не имеет собственной истории, отдельной от истории

дывается целое, или само целое? Современная герменевтика «разрывает» этот круг, постулируя взаимодополнительность частей и целого и «предпонимания», которое всегда предшествует изучению чего-либо.

¹ Спиридонов Л. И. Философия права // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2009. № 5. С. 22.

социальной»¹. В другом месте он отмечает: «Право, нравственность, искусство или религия не могут быть воспроизведены в самостоятельной, т. е. несоциологической, а лишь юридической, этической и т. д. теории, не признающей общество непререкаемой предпосылкой всех своих последующих рассуждений. Не обладает такой “самостоятельностью” и экономика. Все общественные науки социологичны по самому своему существу...»². Это говорит о том, что право (и предмет юриспруденции) обладает лишь относительной самостоятельностью и не может быть отгорожено «китайской стеной» от политики, экономики и других социальных явлений.

Таким образом, предмет юридической науки — это результат познавательной активности субъекта, который вычленяет в рамках объекта наиболее важные с его точки зрения моменты. Они предстают в форме контекстуальных и вероятностных тенденций, внутренне диалогичных по своему содержанию. Предмет науки определяется как спецификой объекта, так и субъективными факторами, важнейшим из которых является тип правопонимания.

1.2. Методология и ее основные типы в юриспруденции

Методы науки, как и ее предмет, имеют сложную объект-субъектную структуру. Они объективны, так как обусловлены предметом и контекстом познания. Но в то же время в данном конкретном исследовании они выбираются конкретным субъектом. При этом выбор не является произвольным, а его результат, в свою очередь, не может быть заранее предопределен. Так, сторонники юридического позитивизма, юснатурализма и представители социологии права избирают разные методы исследования права.

Методы науки, в том числе юридической³, обусловлены историческим и социокультурным контекстом⁴. Они предопреде-

---

¹ Там же.

² Денисов Ю. А., Спиридонов Л. И. Абстрактное и конкретное в советском правоведении. Л., 1987. С. 11.

³ Более того, если согласиться с тем, что право — это социальное явление, момент, «сторона» общества, то нельзя не признать правомерным и тезис о том, что методы юридической науки — это трансформация общенаучных методов применительно к исследованию правовой реальности.

⁴ Историческая обусловленность методов научного познания блестяще показана в курсе лекций Л. И. Спиридонова. — Спиридонов Л. И. Теория государства и права : курс лекций. М., 1995. 300, [1] с.

лены господствующим в данную эпоху в конкретной культуре — цивилизации мировоззрением¹. Структурно универсалии культуры (мировоззрение) можно представить в виде эпистемы (если использовать в несколько видоизмененной интерпретации термин М. Фуко²), т. е. господствующих представлений о мире и человеке в нем. Именно они задают соответствующую картину мира и специфику методов его (мира) восприятия — описания, объяснения и интерпретации. Так, для Античности характерно целостное восприятие мира, вытекающее из постулата предзаданной гармонии (отсюда античный юснатурализм, в котором право воспринимается буквально как право природы, природы вещей). То же самое, в принципе, характерно и для средневекового мировоззрения: это та же целостность, но являющаяся божественным творением.

Новое время в западной цивилизации отличается атомистической картиной мира, обуславливающей метод индукции, конкретизируемый количественным измерением реальности. Эпистема Нового времени задает господствующий индивидуалистический тип правопонимания, четко согласующийся с атомистической картиной социального мира.

Новейшее время сохраняет атомизм как тип мировоззрения и радикализирует его в основной научно-исследовательской программе³ — *позитивизме*, т. е. программе, которая способствовала бурному росту наук, в том числе общественных. Однако в начале XX в. позитивистская программа (методология) столкну-

---

¹ В. С. Стёпин по этому поводу пишет, что тип культуры задает «способ видения реальности в науке, стили мышления, которые формируются в контексте культуры и испытывают воздействие самых разных ее феноменов». — Стёпин В. С. Специфика научного познания // Наука: возможности и границы. М., 2003. С. 11.

² См.: Фуко М. Слова и вещи : Археология гуманитарных наук : пер. с фр. СПб., 1994. 405, [1] с.

³ Лакатос И. Методология научных исследовательских программ // Избранные произведения по философии и методологии науки / пер. с англ. И. Н. Веселовского, А. Л. Никифорова, В. Н. Поруса. М., 2008. С. 217—231. (Философские технологии: философия).

Другими словами, научно-исследовательская программа — это трансформация эпистемы в конкретно-научное исследование, обусловленное в том числе определенным методом познания.

лась с целым рядом серьезных проблем, поставивших под сомнение ее эвристическую ценность. Главной из них можно считать недостаточность фактического подтверждения как единственного (и единственно возможного для позитивистов) критерия научности. Проникновение физики в микромир (мир элементарных частиц) поставило под сомнение возможность описать любое явление (как, например, электрон, так и более сложный объект) одним единственным (единственно верным) способом. Другими словами, любое описание (и объяснение, а также интерпретация) всегда неполно и избирательно. В этом суть принципа неопределенности, сформулированного В. Гейзенбергом¹, имеющего значение не только для физики, но и для науки как таковой. Столкнувшись с проблемами квантовой механики (в частности с корпускулярно-волновым дуализмом электрона), Н. Бор выдвинул знаменитый принцип дополнительности, утверждая, что понятия «частица» и «волна», используемые для описания электрона, не противоречат, а дополняют друг друга. Этот принцип также утверждает зависимость результата исследования от избираемых средств и методов².

Следовательно, ни одна научная теория не может считаться окончательной, неоспоримой, аподиктической. А научные факты, с одной стороны, всегда частично подтверждают научную теорию, с другой стороны, зависят от интерпретации с точки зрения той или иной теории. Все это заставило позитивистов пересмотреть основные положения своей программы. В результате в начале XX в. формулируется *неопозитивистская* научно-исследовательская программа с соответствующей методологией. Взяв за основной критерий научности формальную логику и проводя на ее основе демаркацию науки и метафизики (последняя использует псевдопонятия, не поддающиеся проверке логическими нормами языка), представители неопозитивизма сформулировали в качестве основы своей методологии принцип верификации.

---

¹ Принцип неопределенности гласит, что относительно микрочастицы никогда нельзя знать все ее параметры, а можно только какой-то один. То есть если установлена скорость движения микрочастицы, то невозможно установить ее координаты, и наоборот. Вся совокупность параметров микрочастицы оказывается принципиально неопределенной и неопределяемой.

² Налимов В. В., Дрогалина Ж. А. Реальность нереального : Вероятностная модель бессознательного. М., 1995. С. 355.

Принцип верификации — это требование сведения теоретических суждений к совокупности протокольных предложений, фиксирующих опытные эмпирические данные. При этом верификация бывает прямая, под которой понимается проверка утверждений, формулирующих данные наблюдения, и косвенная, предполагающая установление теоретических (логических) отношений между несколькими верифицируемыми утверждениями. Верифицированные суждения (утверждения) являются основой для построения логически истинной, непротиворечивой теории. Именно так — на основе логической непротиворечивости — пытался построить «чистую» (основанную исключительно на логике) систему права Г. Кельзен¹.

Однако претензии неопозитивистов на обнаружение единственно истинного метода научного исследования оказались тщетными. Наиболее серьезная критика, которая, по сути, развенчала неопозитивистскую методологию, была высказана К. Геделем, который был участником Венского кружка, сформулировавшего неопозитивистскую программу. В 1931—1932 гг. им были доказаны знаменитые теоремы неполноты и непротиворечивости формальных систем. Согласно первой из них, если арифметическая формальная система непротиворечива, то она неполна. Если же она полна — то она противоречива². Вторая теорема гласит, что если формальная система непротиворечива, то невозможно доказать ее непротиворечивость средствами, формализуемыми в этой системе. Все это свидетельствует о том, что право не может быть замкнутой непротиворечивой формальной системой.

Другим вариантом развития позитивизма в XX в. выступил *структурализм* как еще одна авторитетная научно-исследовательская программа. Его становление приходится на 30—50-е гг., прежде всего в лингвистике. В 50—60-е гг. структуралистская методология распространяется на другие области знаний, в частности антропологию.

Суть структурализма состоит в поиске инвариантной универсальной структуры, которая выражается во внешней форме объ-

---

¹ Кельзен Г. Чистое учение о праве / пер. с нем. М. В. Антонова, М. В. Лезова. СПб., 2015. 540, [1] с.

² Гёдель К. Об одном еще не использованном расширении финитной точки зрения // Математическая теория логического вывода : сб. переводов / под ред. А. В. Идельсона, Г. Е. Минца. М., 1967. С. 299—304.

екта. В связи с этим может создаться впечатление, что структуралистская методология является разновидностью диалектики, напоминающей, например, поиск эйдосов Платона или знаменитый тезис Парменида. Однако структура в структурализме рассматривается как статичное образование, представляющее собой внутреннюю форму объекта. Поэтому можно обнаружить схожесть исходных установок структурализма и позитивизма¹.

Структура — это целое, образованное взаимосвязанными элементами таким образом, что каждый зависит от других и целого как такового; именно целое определяет место, роль, значение и основные характеристики отдельного элемента. Структура выступает формообразующим механизмом, порождающим внешний символический уровень объекта. «Структура — это инвариантно-статичное, замкнутое в себе абстрактное и императивное по отношению к своим пользователям целое, обладающее уровневой организацией и образованное конечным числом составляющих и правил их комбинирования, поддающихся систематизации и инвентаризации»². Тем самым обнаруживается несомненное сходство структурализма и неопозитивизма, представленного, например, «чистой» системой права Г. Кельзена, так как обе они ориентированы на текст как главный объект анализа.

В структурализме (прежде всего в структуралистской лингвистике) под текстом понимается связанная и полная последовательность знаков. При этом в структурализме акцент делается именно на внешней связанности знаков, в результате чего происходит обособление языка в систему, существующую «в себе и для себя». В «позднем» структурализме текст понимается несколько шире — как культурный код, в соответствии с которым организуется знаковое многообразие культуры³. Наиболее существенной в структурализме представляется идея Ф. Соссюра, восходящая к классическому разграничению в картезианстве

---

¹ Если позитивизм отождествлять исключительно с атомизмом, как это делает, например, Г. К. Косиков. — Косиков Г. К. «Структура» и/или «текст» (стратегии современной семиотики) // Французская семиотика : От структурализма к постструктурализму / К. Леви-Стросс, Р. Барт, А.-Ж. Гремас [и др.] ; пер. с фр. и вступ. ст. Г. К. Косикова. М., 2000. С. 13.

² Там же. С. 25.

³ См. подробнее: Усманова А. Р. Текст // Постмодернизм. Энциклопедия / сост. и науч. ред. А. А. Грицанов, М. А. Можейко. Минск, 2001. С. 822.

субъекта и объекта, т. е. установка на однозначную номинативность или референцию языка (и любую другую знаковую систему, например право) и его упорядоченность — включение в систему отношений с другими элементами. При этом акцент делается на синхронном аспекте языка (структуры), а не на диахронном. Из связи означающего и означаемого вытекают смысл и значение текста (через анализ смысла и значения знака), рассматриваемые в структурализме исключительно формально: отношение знака (означающего) и означаемого выступает значением знака (шире — текста), а отношение знака и контекста или объема понятия, включающего совокупность означаемых, отнесенных к одному классу, выступает смыслом знака (текста)¹. Иногда значение обозначается термином десигнат, а смысл — денотат.

Главной проблемой, с которой сталкивается структурализм в этом аспекте, является конвенциональный характер знаков, из которых состоит текст. Если означающее условно, то его связь с означаемым также является условной². Отсюда проблематизируется существование универсальной и замкнутой структуры, репрезентируемой в «план выражения». Письменная фиксация права создает «возможность расхождения действительного права и его официальной формы», — справедливо утверждает И. Грязин³. Это же свидетельствует о невозможности однозначного толкования (интерпретации) знака (текста), что доказывается полисемией многих знаков⁴ и открытостью текстов. Ко всему этому следует добавить, что семантическая концепция текста, его смысла и значения в праве должна быть дополнена прагматическим его (текста) аспектом⁵. А это доказывает кон-

---

¹ Чертов Л. Ф. Знаковость : Опыт теоретического синтеза идей о знаковом способе информационной связи. СПб., 1993. С. 269.

² Автономова Н. Деррида и грамматология // Деррида Ж. О грамматологии / пер. с фр., вступ. ст. и коммент. Н. С. Автономовой. М., 2000. С. 33.

³ Грязин И. Текст права : Опыт методологического анализа конкурирующих теорий. Таллин, 1983. С. 32.

⁴ Власенко Н. А. Проблемы точности выражения формы права (лингвологический анализ) : дис. в форме науч. доклада на соискание ученой степени д-ра юрид. наук / Власенко Николай Александрович. Екатеринбург, 1997. С. 24—26.

⁵ Смирнова Е. Д. Логика и философия. М., 1996. С. 26—27. Если рассматривать знак (и текст) в прагматическом аспекте, то его значением будет способ практического использования знака. Значимость идеи «языковых игр» «позд-

текстуальность и смысла, и значения текста¹. По мнению У. Куайна, смысл языкового выражения нельзя рассматривать вне определенной аналитической гипотезы, как и истинность положений научной теории вне самой теории, вне определенной концептуальной системы. В этом состоит суть его теории онтологической относительности: смысл слова обнаруживается в предложении, предложения — в тексте, текста — в культуре². Более важно другое (хотя регрессия в «дурную» бесконечность — серьезная проблема): структура не существует как статичная данность. Структуры функционируют, они возникают и изменяются. А эту динамику структурализм «выносит за скобки».

Все вышеизложенное свидетельствует о явной недостаточности структуралистской методологической программы и претензиях структуралистской юриспруденции, сформированной на ее основе³. Структурализм в конце 60-х гг. XX в. развивается в *аналитической философии и философии права*. Сегодня это

него» Л. Витгенштейна состоит именно в этом: слова означают лишь то, что они означают в данной «языковой игре», т. е. в процессе их практического употребления. — Wittgenstein L. *Philosophical Investigations*. Oxford, 1953.

¹ На контекстуальность права как текста обращает внимание И. Грязин и отмечает, что смысл правового текста может быть различным в различных культурах. — Грязин И. Указ. соч. С. 36. То или иное прочтение одного и того же предложения естественного языка, та или иная его интерпретация как приписывание ему одних или других условий истинности существенно зависят от контекста употребления предложения — утверждает П. Строссон. — Strawson P. *Entity and Identity // Contemporary British Philosophy / Ed. H. Lewis. L., 1976.*

² Quine V. W. O. *Ontological Relativity and Other Essays*. N.Y., 1969.

³ Известный английский антрополог Э. Лич в этой связи пишет, что любое социальное (в том числе юридическое, например законность или преступность) понятие наделяется различным смыслом в разных контекстах: преступным может стать законное, и наоборот. Поэтому, по его мнению, не может быть вечных законов человеческого общежития и неотъемлемых прав человека. — Leach E. *Fundamentals of structuralism theory // Sociological approaches to law. / ed. by A. Podgorecki, Ch. J. Whelan. London : Croom Helm 1981. P. 30.* Критическое отношение к аналитической теории права высказывает немецкий исследователь К.-Л. Кунц. Он утверждает, что структуралисты не в состоянии объяснить право потому, что не принимают в расчет его ценностную природу, а также субъективность в построении любой научной теории; более того, они не принимают в расчет и принципиальное различие социальной теории и естественнонаучной. По мнению К.-Л. Кунца, адекватной может быть только герменевтическая теория права, акцентирующая внимание на intersubъективном анализе правовой реальности. — Kunz K.-L. *Die analitische Rechtstheorie: Eine «Rechts» theorie ohne Rechts? Systematische Darstellung und Kritik*. Berlin : Duncker and Humblot, 1977.

господствующее в англо-американской философии направление, продолжающее дело выдающихся философов-логиков XX в. Г. Фреге, Р. Карнапа, Л. Витгенштейна и др. Среди аналитических философов права следует назвать прежде всего Г. Харта. Он утверждал, что задача философии права — изучение обыденного языка, который не только описывает мир, но и конструирует правовую систему¹. В связи с значимостью и популярностью этой методологической программы в современной юриспруденции остановимся на ней подробнее.

Аналитическая философия развивает идеи Г. Фреге, выдающегося логика начала XX в., применительно к обыденному языку. Исследования языковых практик (дискурса, в современном смысле) — главная тема аналитической философии. Современная аналитическая философия, которая сегодня, по мнению В. А. Суровцева, стала постклассической, исследует две основные темы: роль языка в мышлении, коммуникации, как вырабатываются значения языковых выражений и логику исследования, методологию познания².

Основой аналитической философии стал так называемый «лингвистический поворот», в рамках которого во второй половине XX в. было предложено не просто исследование роли языка в социальных явлениях и процессах, а как «сознание и мир обнаруживают себя в языке»³, как социальность через или с помощью языка существует. Принципами аналитической философии объявляются:

1) контекстуализм, означающий зависимость языковых выражений от значений других выражений;

2) холизм, предполагающий, что значение выражения зависит от всей языковой структуры;

3) демаркационизм, т. е. различение действительных и мнимых объектов в зависимости от того, выполняют ли они денотативную функцию означивания⁴.

Методологией классической аналитической философии выступала логика в ее состоянии на начало XX в. Современная

---

¹ Харт Г. Л. А. Философия и язык права. М., 2017. 383 с. (Библиотека криминалистической философии).

² Оглезнев В. В., Суровцев В. А. Аналитическая философия права: юридический язык и речевые акты. М., 2023. С. 25.

³ Там же. С. 30.

⁴ Там же. С. 31.

постклассическая аналитическая философия (и аналитическая философия права) оперирует следующими методами:

методом трансгрессии — перенос методов из одной области знаний в другую (иногда это относится к методологии междисциплинарности);

методом контекстуального перевода — анализ языкового выражения в контексте его словоупотребления;

методом концептуального анализа — выявление концептуального ядра термина путем сравнения контекстов его употребления;

методом экстраполяции — перенесение методов анализа одних типов дискурса на другие (напоминает метод трансгрессии);

методом дериваций — отделение основания теории от ее производных;

методом редукции — сведение одного уровня знаний к другому;

методом «семантического восхождения», предполагающим различение объектного языка описания и метаязыка (рефлексии над описанием);

методом предела стандартной интерпретации выражения — выявление стандартных ситуаций и отклонений от них;

методом фальсифицирующей модели, которым производится доказательство от противного;

методом демаркации — определение границы отличия осмысленных выражений от бессмысленных;

методом языковых игр — конструирование гипотетических коммуникативных ситуаций для демонстрации того, как одно и то же выражение изменяет смысл в зависимости от языковой игры, т. е. контекста употребления¹.

Важно отметить, что постклассическая аналитическая философия (и философия права) развивает важнейшую мысль Л. Витгенштейна: значение слова не в словаре, а в практиках (языковых играх) его использования. Тем самым происходит сближение или даже симбиоз нормативизма и социологии права, догматики (в хорошем смысле этого слова — как форм внешне-выражения права) и практик ее употребления.

Другой, хотя в чем-то близкий к аналитической философии, вариант преодоления проблем методологии структурализма де-

---

¹ Там же. С. 35—36.

монстрирует *постструктурализм*. Пытаясь освободиться от тотальной власти абсолютного логоса — центра, сторонники этого направления (из которого во многом вырос постмодернизм) занимаются преимущественно деконструкцией¹, разоблачением веры в существование трансцендентного начала — упорядочивающего и управляющего центра. Однако постструктурализм (может быть, имплицитно) содержит и некоторые «положительные» моменты. К таковым следует отнести утверждаемую им диалогичную природу текста. Диалогичность текста, по мнению постструктуралистов, состоит во взаимообусловленности автора, получателя текста (или персонажа), читателя и письма, образованного культурным контекстом. Тем самым текст рассматривается как переплетение множества разнородных кодов, дискурсов². Он приобретает диахронную глубину, недоступную структуралистскому анализу, выступает памятью кодов культуры и является принципиально открытым, безграничным и постоянно обновляемым пространством, так как допускает добавление новых элементов и переструктурирование старых. Все это предполагает вариативность и множественность прочтений (интерпретаций) текста.

Вышеизложенное имеет прямое отношение к анализу права, понимаемого как текст³. Метод деконструкции предполагает соотнесение намерения автора правового текста (его индивидуальный «голос») с кодом (кодами) культуры, выступающим

---

¹ Деконструкция — это выявление бинарной оппозиции, составляющей структуру логоцентризма западной метафизики и демонстрация ее ущербности, прежде всего, вследствие имманентной связи с властью и идеологией. В результате такого разоблачения порождается «новая конфигурация философско-эстетического поля, чьей доминантой становится присутствие отсутствия, открытый контекст, стимулирующий игру цитатами, постмодернистские смысловые и пространственно-временные смещения». — Маньковская Н. Б. Эстетика постмодернизма. СПб., 2000. С. 22. Авторское разъяснение термина «деконструкция» см.: Деррида Ж. Письмо японскому другу // Вопросы философии. 1992. № 4.

² Такое пересечение кодов и дискурсов в одном тексте получило название «интертекст» у Ю. Кристевой. Он возникает как результат процедуры «чтения — письма»: он пишется в результате считывания чужих дискурсов и поэтому всякий текст и даже слово есть пересечение других текстов и слов. — Кристева Ю. Разрушение поэтики // Французская семиотика ... С. 458.

³ В современных условиях «внетекстовой реальности вообще не существует», — утверждает Ж. Деррида. — Деррида Ж. О грамматологии. С. 313.

синхронным и диахронным контекстом, во многом обусловливающим намерение автора и «голос» читателя, т. е. способ его прочтения. Особую важность в современных условиях представляет задача выявления заимствований чужой, преимущественно западной, правовой культуры (институтов, норм и т. д.) и ее преломление (аккультурацию) в правовой культуре реципиента. Однако это уже другая — антропологическая — научно-исследовательская программа.

«Вызов» постмодерна актуализировал потребность в поиске новых, непозитивистских¹ методологических направлений. Среди них наиболее перспективными представляются социальная феноменология права, герменевтика, синергетика права и юридическая антропология.

Феноменология как методология у ее основоположника Э. Гуссерля представлена в основном редукцией, которая состоит в отстранении (заклучении в скобки) всего внешнего, несущественного. Делается это для представления неискаженной природы вещей. Эти идеи, наиболее активно разрабатывавшиеся А. Райнахом², были восприняты такими юристами, как Г. Радбрух, Г. Коинг, Г. Фехнер, В. Майхоффер и некоторыми другими, предложившими достаточно оригинальные варианты концепции естественного права. Однако существенных результатов получено не было. Главная проблема так называемой «трансцендентальной» феноменологии права заключается в том, что поиск эйдоса права (правовой «природы вещей») основывается на интуитивизме, а потому лишен даже той объективности, на которую претендовала позитивистская юридическая наука.

---

¹ Хотя современная юриспруденция, по справедливому замечанию В. М. Сырых, является преимущественно позитивистская. — Сырых В. М. История и методология ... М., 2024. С. 39.

² Райнах А. Априорные основания гражданского права // Собр. соч. / пер. с нем. В. Куренного. М., 2001. 482 с. В отечественной теории права наиболее оригинальную попытку сформулировать современную феноменологическую (именно эйдетическую) концепцию права предпринял А. В. Поляков. — Поляков А. В., Тимошина Е. В. Общая теория права : учебник. 3-е изд., перераб. и доп. СПб., 2017. 467, [1] с. ; Поляков А. В. Коммуникативная концепция права (генезис и теоретико-правовое обоснование) : дис. в форме науч. доклада на соискание ученой степени д-ра юрид. наук. СПб., 2002. 93, [1] с. Обсуждение идей А. В. Полякова см.: Коммуникативная концепция права: вопросы теории : Обсуждение монографии А. В. Полякова / С.-Петербург. гос. ун-т, юрид. фак. СПб., 2003. 154 с.

Во второй половине XX в. наибольшее влияние получила социологическая феноменология, воспринявшая идею позднего Э. Гуссерля о том, что первопричина социального коренится в «жизненном мире». Поэтому современная социальная феноменология пытается прояснить (понять, а не объяснить) мир социальной обыденности. Для этого предполагается необходимым выявить значения, которыми простой, средний человек наделяет типичные жизненные ситуации. Для этого используются диалог, соучастующее (включенное) наблюдение, вживание в роль, ассоциативный эксперимент, этнометодологические методики и другие нетрадиционные методы¹.

Выявлением смысла и значения действий индивидов, а не количественной объективацией социального, занимается *герменевтика*, продолжающая линию феноменологии. Герменевтика — это наука об интерпретации текста (а все в мире может быть представлено как текст). При этом широко используются методы лингвистики, двойной или тройной рефлексии (когда интерпретируется не только текст, но и его автор, а также конкретно-историческая ситуация), помещения в контекст и др. Перспектива этих методов особо очевидна как для выработки нового типа правопонимания, так и в разделе юридической техники — толковании законодательства.

Наиболее интересную методологию герменевтического анализа правовых текстов разработал еще в 50-е гг. XX в. итальянский философ и юрист Э. Бетти. Он сформулировал четыре герменевтических канона, активно используемых в юриспруденции:

1) канон имманентности герменевтического масштаба — это требование соответствия герменевтической реконструкции точке зрения автора: автор должен исходить из духа, объективированного в соответствующем источнике, а не привносить его туда;

---

¹ Семенова В. В. Качественные методы: введение в гуманистическую социологию : учеб. пособие для студентов вузов. М., 1998. 292 с. ; Щютц А. Смысловая структура повседневного мира : Очерки по феноменологической социологии / пер. с англ. А. Я. Алхасова, Н. Я. Мазлумяновой. М., 2003. 334 с. ; Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни / пер. с англ. А. Д. Ковалева. М., 2000. 302, [1] с. (Logica socialis / Теоретическая социология). ; Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности : Трактат по социологии знания. М., 1995. 322, [1] с. (Первые публикации в России. ППР).

2) канон тотальности и смысловой связанности герменевтического исследования, суть которого — зависимость целого от частей, а частей от целого (это так называемый герменевтический круг, который разрешается постулируемым «предзнанием» о целом до его расчленения на части);

3) канон актуальности понимания — это требование соотношения интерпретируемого объекта (явления) с его духовным горизонтом;

4) канон смысловой адекватности понимания или смыслового соответствия позиции интерпретатора с импульсами, исходящими от интерпретируемого объекта¹.

Несмотря на несомненную эвристическую ценность методов феноменологии и герменевтики, они далеки (может быть, пока) от того, чтобы претендовать на аподиктичность. Главная проблема, которая ими пока не может быть решена, состоит в отсутствии возможности верифицировать идеи трансцендентальной феноменологии (Э. Гуссерля, М. Хайдеггера, М. Шелера) или герменевтики (Г.-Г. Гадамера), с одной стороны, и в отсутствии надежных критериев успешной коммуникации (интеракции) — критериев права — у представителей социологической феноменологии (П. Бергера, Т. Лукмана) и инструментальной герменевтики (Э. Бетти), с другой стороны.

На роль квинтэссенции методологии современной юриспруденции, как представляется, может претендовать *антропологическая научно-исследовательская программа*. Ее суть сводится к «человеческому измерению» правовых явлений². Антрополого-правовая методология на сегодняшний день не является однородной научно-исследовательской программой. В зависимости от используемой методологии антропология права (как и культурная антропология вообще) может быть классифицирована на структуралистскую и рефлексивную, характерную для состояния этой дисциплины в ситуации постмодерна. Если первая ориентирована на выявление смысловой структуры репрезентируемой культуры (в том числе правовых феноменов), то вторая предполагает диалогический анализ отношения Я (исследователь) — Другой (исследуемый) для прояснения не только по-

---

¹ Betti E. Hermeneutik als Weg heutiger Wissenschaft. Salzburg, 1971. S. 16—21.

² Социокультурная антропология права : монография / Н. А. Данилова, М. К. Ивина, Н. А. Исаев [и др.] ; под ред. Н. А. Исаева, И. Л. Честнова. СПб., 2015. 837 с.

следнего, но и самого себя. Другими словами, понять специфику чужой правовой системы важно хотя бы для того, чтобы лучше выяснить специфику своей собственной¹.

Как видим, антропологико-правовой подход является имманентно *диалогичным*. Суть диалога в данном случае — это изучение взаимодействия, взаимообусловленности и взаимоперехода противоположных сторон явления (например, должного и сущего, единичного, группового и общественного, материального и идеального, статики и динамики, трансцендентного и имманентного применительно к праву), а также аналогичных диалогических отношений изучаемого явления и однопорядковых ему явлений (права и экономики, политики и т. д.) во взаимоотношении с метасистемой относительно данного явления (с обществом)². Наиболее существенной проблемой, стоящей перед антрополого-диалогической методологией, является уяснение такой взаимообусловленности человека и социальных институтов, при которой человек сохраняет свою идентичность и при этом сохраняется целостность института. Ее решение — дело будущего. В завершение заметим, что мы не вдавались в подробности конкретных методов и методик юридического исследования, так как о них пойдет речь ниже.

1.3. Функции юридической науки

Функции науки — это то, как она работает, действует, а так как наука — это социальный институт по воспроизводству научных знаний, то ее функциями являются производство, фиксация, трансляция научных знаний и применение их на практике. Эти функции реализуются наукой во взаимодействии с соци-

---

¹ Являясь интерпретациями второго, третьего и т. д. порядков, антропологические тексты представляют собой фикции не в плане того, что являются полным вымыслом, но в смысле их «сделанности», таким же творением автора, как и история мадам Бовари, т. е. дают важное, значимое представление о самом авторе текста не в меньшей степени, чем об исследуемом объекте. — Geertz K. The interpretation of cultures. N. Y., 1973. P. 15—16.

² Такой метод, основанный на эвристически ценных идеях М. М. Бахтина, М. Бубера, О. Розеншток-Хюсси и других представителей диалогической философии, пока только формируется. О возможности его применения к исследованию права см.: Честнов И. Л. Право как диалог: к формированию новой онтологии правовой реальности. СПб., 2000. 103 с.

умом (точнее — властью), который формулирует социальный заказ на производство научного знания, его воспроизводство. Все это, очевидно, относится и к юридической науке, включая, конечно, и теорию государства и права.

Функции науки условно можно подразделить на внешние, или экстерналистские, и внутренние, интерналистские¹. Это различие относительно, так как внешние и внутренние функции взаимообуславливают друг друга². Первые характеризуют назначение юриспруденции (и теории государства и права) в современном мире и обусловлены ролью и значением права в социуме. Так как «генеральная» функция права (термин Л. И. Спиридонова) состоит в обеспечении целостности социума — в обеспечении его нормального функционирования с помощью нормирования меры свободы в функционально значимых общественных отношениях, то социальная функция юридической науки заключается в обосновании закрепления таких отношений в правовых формах, т. е. в обосновании права, в обосновании правоприменительной практики и трансляции такого рода знаний последующим поколениям³. Сюда же относит-

---

¹ Несколько иначе подходит к выделению функций «научного теоретизирования» У. Твайнинг, не предлагая никакой их классификации: «В качестве научной деятельности теоретизирование имеет несколько функций: конструирование целостных представлений или тотальных картин (синтетическая, или “картографическая”, функция); толкование, уточнение и дальнейшая проработка понятий; развитие нормативных теорий, выдвижение и развитие научных гипотез среднего уровня, а также развитие общих рабочих теорий для ученых этой дисциплины; построение научно-теоретических “мостов” между правоведением и другими науками (сопроводительная функция); исследование истории научной мысли и, что наиболее важно, критическое осмысление предпосылок, лежащих в основании споров о праве». — Твайнинг У. Общая теория права // Российский ежегодник теории права. 2010. № 3. С. 235.

² На выявление таковых, прежде всего на анализ социальной обусловленности науки, направлена программа социальной эпистемологии. — См.: Социальная эпистемология: идеи, методы, программы / И. Т. Касавин, Л. А. Микешина, Н. М. Смирнова [и др.]; под ред. И. Т. Касавина. М., 2010. 712 с.

³ Юридическая наука не должна быть комментарием к действующему законодательству, она обязана критически воспринимать догму права, формулировать критерии обоснованности форм права с точки зрения их эффективности, т. е. с позиций социума. Такую программу социологизации юридической науки сформулировал в 70-е гг. XX в. Л. И. Спиридонов. — См.: Спиридонов Л. И. Социология уголовного права. М., 1986. С. 80—95; Михайловская И. Б., Спиридонов Л. И. Основы социологических знаний. Ч. 1. М., 1988. 124, [1] с.

ся идеолого-социализаторская функция юридической науки, призванная обеспечить легитимность правопорядка, существующего в данном социуме¹. Внутренние функции науки связаны с производством научного знания.

Внутренние, или интерналистские, функции юридической науки, как и функции науки как таковой, как считается в классическом науковедении, состоят в описании, объяснении, понимании и предсказании юридической реальности, а также в производстве нового знания. Функция трансляции научных знаний осуществляется наукой вместе с системой образования.

Условно говоря, «между» внешними и внутренними функциями располагается критико-преобразовательное воздействие юридической науки на правовую реальность. В этой функции в концентрированном виде сосредоточены все иные функции юриспруденции.

Функция описания. Описание представляет собой исходное начало научного исследования². В то же время нельзя не признать, что описание всегда обусловлено исходной гипотезой (часто — теорией), которая описанием проверяется. «Простое» описание, описание «само по себе» (по принципу акына: пою обо всем, что вижу) бессмысленно. Описание всегда избирательно, а эта избирательность задается исходной теоретической установкой. Поэтому описание взаимосвязано с другими функциями науки: выдвижением гипотезы, интерпретацией, объяс-

---

(переизд.: Спиридонов Л. И. Избранные произведения : Философия и теория права. Социология уголовного права. Криминология. СПб., 2002. С. 45—58) ; Честнов И. Л. Научное наследие Л. И. Спиридонова // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2009. № 5. С. 202—212.

¹ Лазарев В. В., Липень С. В. История и методология юридической науки. М., 2017. С. 23.

² Описание, по мнению В. М. Сырых, представляет собой «процедуру по систематизации эмпирического материала с целью системного и целостного изложения сведений об исследуемом предмете (явлении, процессе)». — Сырых В. М. Логические основания общей теории права. В 2 т. Т. 2. Логика правового исследования. М., 2004. С. 295—296. В другой работе он отмечает: «Функция описания характеризуется тем, что категории, понятия (понятийный аппарат) правовой науки выступают основными средствами изложения (описания) новых знаний, полученных в ходе исследования». — Сырых В. М. История и методология ... М., 2024. С. 130.

нением. Отдельной проблемой является соотношение описания и предписания, или оценочно-нормативного описания, о чем речь пойдет ниже¹.

П. Рикёр утверждает, что нарратив — это структура, сочетающая два процесса завязывания интриги: процесс действия и процесс персонажа. «Рассказывать» означает «говорить, кто сделал, что, почему и как», располагая во времени связь между этими точками зрения². При этом нарративная функция не бывает без этических импликаций³. Поэтому любое описание включает приписывание оценки описываемому действию, событию, человеку. Ко всему прочему, атрибуция (приписывание) выражает интенцию автора, существующую в любом тексте. Так, текст закона содержит интенцию (иногда эксплицитно формулируемую как цель, чаще имплицитно — как сохранение правопорядка) как намерение законодателя. Описание действия в юридическом документе в большинстве случаев содержит квалификацию — его юридическую оценку, даваемую от имени закона. В свое время Г. Харт предложил термин «аскрипция» — приписывание жизненным ситуациям юридического значе-

---

¹ По мнению Ф. Анкерсмита, существует принципиальное различие между нарративом и нормативно-оценочными предложениями: «Всякая когерентная система предложений в обычном языке (или текстах) будет или повествовательным или неповествовательным текстом (проповедью, уставом, пасквилем, математическим доказательством). ... Нарратив состоит из предложений; я буду исходить из того, что все предложения в нарративе обладают пропозициональной структурой и содержат субъект и предикат. Я признаю, что, вероятно, можно ставить под сомнение или даже отрицать то, что нарративы состоят из такого рода предложений. Существует множество предложений, не обладающих этой пропозициональной структурой, например приказы, высказывания, выражающие научные теории; высказывания тождества и, возможно, высказывания, содержащие предикаты, выражающие отношения. Я исхожу из того, что подобные предложения не являются необходимой составляющей частью нарратива и что все важные проблемы нарратива можно изучать удовлетворительным образом, принимая во внимание только те предложения, которые имеют пропозициональную структуру». — Анкерсмит Ф. Нарративная логика. Семантический анализ языка историков. М., 2003. С. 50. Однако описания нормы права, как и подавляющее большинство понятий общественных наук, включают описание и предписание.

² Рикёр П. Я-сам как другой. М., 2008. С. 179.

³ Там же. С. 198. В другом месте он утверждает: «...не бывает этически нейтральных повествований». — Там же. С. 144.

ния — как основу юридического языка¹. По большому счету, описание всегда входит в другие функции науки: объяснение, предсказание и научное открытие не могут обходиться без нарративной формы их изложения (фиксации).

В то же время нарратив в ситуации постмодерна (крушения «великих нарративов» — метаописаний, по терминологии Ж.-Ф. Лиотара) становится важным конституирующим аспектом права: доступ к бытию права, формирование субъекта права, фактически — всех правовых институтов, происходит посредством описания ситуаций и действующих в них акторов².

К описанию в науке теории государства и права предъявляются определенные методологические и методические требования. По мнению В. М. Сырых, во-первых, описание имеет своим предметом какой-либо ограниченный фрагмент социально-правовой практики или юридической науки, обусловленный задачами исследования. Во-вторых, оно призвано вводить в научный оборот фактологический материал, так или иначе связанный с решением соответствующей научной проблемы и обоснованием положений, сформулированных автором исследования. Кроме того, описание должно быть ориентировано на изложение сущности и содержания предмета исследования, проводиться с использованием понятийного аппарата правовой науки, быть объективным³.

Функция объяснения. *Объяснение* считается важнейшей функцией науки. Со времен Дж. С. Милля традиционно (в науковедении, ориентированном на естествознание) объяснение представляется в качестве дедуктивно-номологической модели. С этой точки зрения объяснить некоторое событие — значит дедуцировать описывающее его высказывание, используя в ка-

---

¹ Hart H. L. A. The Ascription of Responsibility and Rights // Essays on logic and language. Oxford, 1951. Vol. 7. — Приводится по: Юриспруденция в поисках идентичности : сборник статей, переводов, рефератов / под общ. ред. С. Н. Касаткина. Самара, 2010. С. 242-271.

² Элкинс Дж. З. В чем суть нарративной юриспруденции? / пер. с англ. Е. Г. Самохиной // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2011. № 6. С. 194—207 ; Кравиц В. Нарративная юриспруденция или теория нормативной коммуникации? Размышления о феноменологии повествования права // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2012. № 1. С. 18—32.

³ Сырых В. М. Логические основания... С. 303—310.

честве посылок один или несколько универсальных законов вместе с определенными сингулярными высказываниями — начальными условиями¹. Другими словами, объяснить, с такой — номологической — точки зрения, означает подвести объясняемое под универсальный закон². К. Гемпель несколько позднее разработал индуктивно-вероятностную модель объяснения, в которой используемое для объяснения общее положение носит вероятностно-статистический характер, а вывод устанавливает лишь вероятность наступления события, описываемого экспланандумом (следствием). Общим в этих схемах объяснения является поиск (обнаружение) закономерной или вероятностной связи одного события (явления) с другим³.

Однако применительно к человеческому поведению (и правовому в том числе) достаточно проблематично вести речь о закономерной его связи с какими-то внешними факторами, принимаемыми в качестве переменной, в силу отягощенности человека свободой и амбивалентностью его жизнедеятельности. Поэтому, как показал в 50-е гг. XX в. У. Дрей, рациональное объяснение поведения человека должно включать мотивацию его как действующего субъекта⁴. Сегодня в социальных науках достаточно авторитетным является интенциональное объяснение, включающее в рассуждения мотивацию, целевую направленность или предрасположенность субъекта.

Логической формой такого объяснения выступает практический силлогизм: субъект намеревается получить нечто, он знает, что для этого требуется совершить определенные действия, и поэтому он их совершает. При этом следует согласиться с мнением А. Л. Никифорова, полагающего, что интенциональная

---

¹ Такую модель предложил в 30-е гг. XX в. К. Поппер, а затем развил К. Гемпель. — См. подробнее: Гемпель К. Логика объяснения / пер. с англ., сост., вступ. ст. и прил. О. А. Назаровой. М., 1998. 237 с. ; Огурцов А. П. От логики объяснения в исторических науках — к онтологии истории // Огурцов А. П. Философия науки: двадцатый век: концепции и проблемы. В 3 ч. Ч. 3. Философия науки и историография. СПб., 2011. С. 142—147; Никифоров А. Л. Философия науки: история и методология. М., 1988. С. 173—189.

² Логическая схема объяснения выглядит следующим образом: для всякого объекта данного класса обнаруживается, что если он имеет свойство А, то он имеет и свойство Б. Объясняемый объект имеет свойство А., следовательно, он имеет и свойство Б. — Ивин А. А. Социальная эпистемология. Человеческое познание в социальном измерении : монография. М., 2024. С. 205.

³ Огурцов А. П. От логики объяснения ... С. 146.

⁴ Dray W. Laws and Explanation in History. London, 1957.

связь не является причинной, поэтому следствие не вытекает с необходимостью из посылок¹. Об этом же пишет П. Рикёр: «Сказать, что нечто является действием, означает сказать, почему оно сделано. Такая связь одного вопроса с другим обязательна: мы едва ли можем информировать другого о том, что мы сделали, не говоря ему в то же время, почему мы это сделали; “описывать” означает “начинать объяснять”; а “больше объяснять” — “лучше описывать”»².

Близкой позиции придерживается Ю. Эльстер. Он утверждает, что «всякое объяснение каузально. Объяснить какое-то явление (экспланандум) — значит привести более раннее явление (эксплананс), которое стало его причиной. Ратуя за каузальные объяснения, я не отрицаю возможность интенционального объяснения поведения. Намерения могут выступать в качестве причин. Отдельная разновидность интенционального объяснения — объяснение через рациональный выбор...»³.

Процедура объяснения, по его мнению, часто именуется гипотетико-дедуктивным методом и предполагает следующий алгоритм:

1. Выбрать теорию, которая предоставляет самые большие перспективы успешного объяснения.

2. Подобрать гипотезу, которая согласует теорию с головоломкой, т. е. чтобы экспланандум логически вытекал из гипотезы.

3. Установить или представить себе надежные основания, которые могут дать альтернативные объяснения, снова таким образом, чтобы экспланандум логически вытекал из каждого из них.

4. Опровергнуть все конкурирующие объяснения, указав для каждого дополнительные, поддающиеся проверке следствия, которые в действительности не наблюдаются.

5. Усилить предложенную гипотезу, показав, что она имеет дополнительные, поддающиеся проверке следствия, желательно новые факты, которые находят свое подтверждение в действительности⁴.

Так как в социальных науках, по убеждению американского социолога норвежского происхождения, объяснение должно ос-

---

¹ Никифоров А. Л. Указ. соч. С. 185—186.

² Рикёр П. Память, история, забвение. М., 2004. С. 255.

³ Эльстер Ю. Объяснение социального поведения: еще раз об основах социальных наук. М., 2011. С. 19.

⁴ Там же. С. 28.

новываться на принципе методологического индивидуализма¹, включать индивидуальные предпочтения, которые невозможно однозначно измерить и сравнить², то приходится констатировать, что объяснения в социальных науках, в том числе в юридических, включая теорию государства и права, всегда вероятностны, ситуативны (контекстуальны)³ и ограничены⁴.

В связи с отмеченными проблемами научного объяснения, особенно социальных (и правовых) явлений, весьма перспективным представляется стремление, наметившееся в современной философии, которое следует развивать в теории государства и права, дополнить объяснение *пониманием, интерпретацией*⁵.

Функция понимания. При множестве вариантов анализа понимания⁶ общим местом является утверждение о том, что понимание представляет собой выявление смысла понимаемого (объекта, явления, события). Правда, дальше начинаются значи-

---

¹ «Настойчивое обращение к объяснениям, фокусирующимся на событиях, чем-то сродни принципу методологического индивидуализма, который является одним из исходных условий этой книги. В принципе, объяснения в социальных науках должны ссылаться только на индивидуумов и их действия. На практике социологи часто оперируют такими надындивидуальными общностями, как семья, фирма или нация, как безобидными условными обозначениями, либо если отсутствие данных или надежной теории вынуждают к этому». — Там же. С. 25.

² «...Нет общей процедуры, которая позволила бы сравнить степени интенсивности предпочтений или удовлетворения потребностей индивидов». — Там же. С. 421.

³ Именно ситуация (обстоятельства), а не свойства личности определяют индивидуальное поведение. — Там же. С. 188—198. В то же время *«поведение не более стабильно, чем ситуации, которые его формируют»*. — Там же. С. 195.

⁴ «В социальных науках попросту слишком мало твердо установленных (well supported) общих законов», — вынужден констатировать известный исследователь. — Там же. С. 46. И далее: «В исследовании любого сложного социального явления, такого как доход, можно с легкостью перечислить дюжину переменных, которые могут оказывать свое влияние. Кроме того, есть, наверное, подюжины способов концептуализировать доход. Крайне маловероятно, чтобы при каком-нибудь из определений дохода ни одна из независимых переменных не показала корреляцию на 5 %-м уровне. Теория вероятности гласит, что самым невероятным совпадением было бы полное отсутствие невероятных совпадений». — Там же. С. 58—59.

⁵ Агацци Э. Научная объективность и ее контексты / пер. с англ. Д. Г. Лахути, под ред. и с предисл. В. А. Лекторского. М., 2017. С. 486—487.

⁶ Ивин А. А. Указ. соч. С. 211, 215.

тельные трудности: какой смысл необходимо выявлять — приписываемый нами понимаемому, приписываемый ему автором, окружением автора или еще какой-то?¹ Отдельной проблемой является контекстуальность интерпретации, вытекающей из значения как способа употребления слова. Со времен Л. Витгенштейна для выявления значения слова (выражения) необходимо определять: «кто именно употребляет слово? какие слова сопутствуют ему? что за реалии подразумеваются под ним? каковы предпосылки и последствия обращения к данному слову? каков внеязыковый контекст слова, наконец? В этом суть философской рефлексии, философского дискурса, который делает своим предметом понимание предметов культуры: понимание, задающее и создающее их смысл»². Контекст играет принципиально важную роль в процессе интерпретации. Он индивидуализирует смысл высказывания, которое вне контекста обладает лишь абстрактным, всеобщим смыслом. Контекст дополняет смысл высказывания с помощью нюансов, адаптируя слово к некоторому предметному полю. Наконец, он сам создает смысл, если смысл слова неясен, утрачен, изменен — а ведь развитие языка предполагает постоянное изменение смысла слов. Поэтому первый шаг в интерпретации объекта культуры — это не поиск смысла как знака, обозначающего его, или «внутренне присутствующего ему» термина, но анализ возможных контекстов его употребления.

Научность понимания предполагает соотнесение приписываемого нами смысла, интерпретируемого с позиции господствующего сегодня представления в отношении этого (или типичного этому) явления, события или процесса³. Тем самым происходит углубление понимания «другого» через понимание «себя», и наоборот. При этом эвристическая значимость интерпретации может пойти дальше и продемонстрировать недостаточность

---

¹ Никифоров А. Л. Указ. соч. С. 194.

² Касавин И. Т. Философский дискурс: проблема, контекст, смысл // Человек в мире знания : К 80-летию Владислава Александровича Лекторского : монография / Рос. акад. наук, Ин-т философии, Ин-т науч. информ. по общественным наукам ; сост. Н. С. Автономова, Б. И. Пружинин ; науч. ред. Т. Г. Щедрина. М., 2012. С. 186. (Humanitas).

³ «Никакая значительная интерпретация не могла сформироваться без взаимодействий и уже имеющихся в распоряжении данной эпохи способов понимания мифа, аллегории, метафоры, аналогии и т. п.», — пишет П. Рикёр. — Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М., 1995. С. 5.

традиционного понимания, но соотнесение с традиционной точкой зрения необходимо.

В результате приложения научного измерения к герменевтической интерпретации возникает возможность взаимодополнения объяснения и понимания. Одним из первых такую, надо сказать небезуспешную, попытку предпринял П. Рикёр. Нет надобности противопоставлять структурализм и герменевтику как «два способа понимания»; их надо соединить как «объективное понимание и экзистенциальное понимание».

Герменевтика, будучи «работой по присвоению смысла», «выявление мышлением смысла, скрытого символом», должна воспринимать структурализм как поддержку, а не как помеху, ибо «присваивать можно лишь то, что прежде при изучении держалось на расстоянии»¹, поэтому конфликта понимания и объяснения нет и не должно быть; интерпретация невозможна без стадии объяснения, но объяснение является основой интерпретации, так как включает структуру дискурса, в рамках которого осуществляется коммуникация (в том числе рефлексивная).

Понимание предваряет, сопутствует и завершает объяснительные процедуры; оно «предполагает объяснение в той мере, в которой объяснение развивает понимание»². Понять какое-либо событие, утверждал П. Рикёр, означает не проникнуть силой вчувствования во внутреннюю жизнь агента, но, скорее, охарактеризовать его «предлагаемый мир», соотносящийся с ментальными структурами данной культуры³, в то время как объяснить событие означает вписать его в структуру господствующих в данном обществе представлений. Следовательно, объяснение и понимание находятся в состоянии диалектического соотношения, моменты в «нескончаемом процессе интерпретации», а исторический процесс, в таком случае, «развивается как непрерывная самоинтерпретация, в ходе которой “понимаемыми” поступками создаются “объяснимые” структуры, и наоборот»⁴. Близкую точку зрения по данному вопросу отстаивает Ю. Эльстер, по мнению которого интерпретировать — «это значит объ-

---

¹ Там же. С. 42.

² Рикёр П. Герменевтика, этика, политика. Московские лекции и интервью. М., 1995. С. 5—9. См. также: Рикёр П. Память, история, забвение. С. 255—328.

³ Рикёр П. Память, история, забвение. С. 112—113.

⁴ Зенкин С. Социальное действие и его смысл. (Историческая герменевтика после Рикёра) // Зенкин С. Работы о теории : статьи. М., 2012. С. 40.

яснять. Интерпретация — это не что иное, как особый случай гипотетико-дедуктивного метода»¹.

Взаимосвязь объяснения и понимания проявляется уже в том, что социальный (и правовой) мир включает в себя и внешнее измерение, и внутреннее. Другими словами, социальная реальность (и это полностью относится к сущности правовой реальности) включает в себя как институты, действия и другие поддающиеся внешней фиксации явления, в том числе материальные предметы, так и их осмысление действующими субъектами, которые измеряются интерпретационными методами². Суть социальности как раз и состоит в осмысленности (психическом опосредовании, часто в виде образов-стереотипов) внешних проявлений активности человека и предметности мира.

Несколько иначе решает эту проблему Г. С. Батыгин. Интерпретация, по его мнению, — это представление о конкретной ситуации, в которую вписан акт измерения. Знание же о внутренних характеристиках объекта вытекает из предшествующего опыта исследователя, включающего в себя «интерпретационную схему», которая априорна и предшествует фактам. Сама же интерпретационная схема не может не учитывать ситуативного характера измеряемых свойств и признаков³.

Таким образом, объяснение собранных данных предполагает использование объективирующих методов формальной логики и статистики, которые должны быть подвергнуты вторичной интерпретации с точки зрения их (собранных данных) смысловой нагруженности — как с позиций, например, участников опроса, так и с позиции господствующего в обществе смысла (если тако-

---

¹ Эльстер Ю. Указ. соч. С. 62.

² Можно согласиться с Д. Серлем, который проводит различие между институциональными фактами и «грубыми» фактами объективного мира. «Институциональные факты» — это такие, которые зависят от человеческого соглашения. В отличие от неинституциональных, или «грубых», фактов, «институциональные факты» называются так потому, что для их существования нужны человеческие институты. Чтобы этот кусок бумаги был пятью долларами, например, должен существовать человеческий институт денег. Существование грубых фактов не требует каких-либо человеческих институтов. — Searle J. R. *The Reconstruction of Social Reality*. N. Y., 1995. P. 24—33. В то же время и те, и другие входят в социальный мир через их осмысление, наделение значением и смыслом, т. е. посредством «окультурирования».

³ Батыгин Г. С. Обоснование научного вывода в прикладной социологии. М., 1986. С. 183, 185, 197.

вой можно обнаружить) объясняемого. Другими словами, обобщение эмпирических данных должно осуществляться с учетом того, как эти данные воспринимают действующие субъекты и, например, эксперты, а также каково господствующее общественное мнение по этому вопросу (возможно — сопоставление с мнением других возрастных групп, представителей других регионов, сравнение с уже имеющимися статистическими данными и т. п.).

Интерпретации, или толкованию, в юриспруденции и теории государства и права посвящено огромное количество научных изысканий¹. Однако немногие из отечественных (да и зарубежных тоже) авторов включают интерпретацию в онтологию права. А. В. Поляков в этой связи пишет: «Эйдетический смысл права предполагает не только наличие самого правила поведения, но, конечно же, и субъекта, которому это правило адресуется и которым оно интерпретируется как правовое. Право, в отличие от чисто объективных феноменов, например, законов природы, не может существовать бессубъектно. Если представить себе гипотетический случай, когда на земле исчезнут все люди, то законы природы все равно будут действовать, их бытие не зависит от наличия или отсутствия воспринимающего их субъекта. Подобная ситуация применительно к праву исключена, так как действие права возможно только через субъектов, а не действующее право (не знающее правовых отношений) не есть право по своему смыслу (это может быть то, что когда-то было правом, или то, что может стать правом, если будет действовать). Поэтому право предполагает наличие **воспринимающих право субъектов**, которые одновременно являются и **носителями** принадлежащих им прав и обязанностей, и их **интерпретаторами**»².

Функция предсказания. *Предсказание*, как считалось в классическом науковедении, призвано дать научно обоснованный прогноз развития изучаемого объекта³. Открытые, например,

---

¹ Проблемы теории государства и права : учеб. пособие / В. В. Денисенко, Н. В. Малиновская, Ю. В. Сорокина ; под общ. ред. Ю. В. Сорокиной, В. В. Ячевского. Воронеж, 2011. 176 с.

² Поляков А. В., Тимошина Е. В. Указ. соч. С. 593. Об этом же идет речь в монографии Г. А. Гаджиева «Онтология права»: Гаджиев Г. А. Онтология права : критическое исследование юридического концепта действительности) : монография. М., 2012. 319 с.

³ Ивин А.А. Указ.соч. С. 208.

физикой законы позволяют предсказывать некоторые физические процессы и явления. Однако неклассическая, а тем более постклассическая наука (в том числе естествознание), столкнувшись с кризисом классической рациональности, демонстрирует гораздо более скромные претензии на предсказание будущего. Открытие диссипативных структур И. Пригожиным в химии и зародившаяся во многом на основе его работ синергетика привели к радикальному сомнению в возможности прогнозирования более или менее сложных естественных (природных) процессов. Тем более это касается социальных наук, в которых неистребима свобода воли, а значит, для них конститутивна случайность, вероятность социальных событий и процессов. Н. Н. Моисеев настаивает на непредсказуемости поведения социальной системы, что обуславливает «неспособность провести детальное и достаточно точное исследование возможных последствий принимаемых решений, а значит, и их сопоставления и рационального выбора. <...> На определенной ступени сложности управляемой системы точный расчет необходимых команд, т. е. то, на чем основывается вся теория управления техническими системами, становится принципиально невозможным»¹.

Открытия в синергетике, в том числе применительно к ограниченности научных предсказаний, постепенно проникают в юридическую науку и теорию государства и права². Г. В. Мальцев пишет: «Синергетика оспаривает право науки упрощать и схематизировать. Во всяком случае, ученые не должны делать это применительно к сложным, открытым, динамическим системам, каковыми выступают огромное множество природных и все социальные системы. Отказ от простоты и точности знания, развенчание парадигм, направленных на линейность, обратимость, устойчивость, необходимость, законосообразность, причинность и т. п., — все это вместе взятое погружает науку в *атмосферу неопределенности*, возможно, уже идущей на смену оптимистической уверенности ученых в прогрессирующем развитии человеческого знания о мире, в благодетельных результа-

---

¹ Моисеев Н. Н. Указ. соч. С. 330.

² См. обзор отечественной литературы: Сорокина Ю. В. Синергетика как ответ на поиск новых методологий теоретико-правовой науки // Проблемы теории государства ...

тах освоения человеком природы. <...> Синергетические выводы из анализа таких понятий, как “неустойчивость”, “неопределенность”, “неравновесность”, “нелинейность”, “необратимость”, “многообразие” и “сложность развития мира”, логически завершились принятием постулата, согласно которому порядок не указывает на направление мировой эволюции, реальность не является ареной господства императивов порядка и упорядочения. Господствует, собственно, только саморазвивающийся процесс, который способен созидать новое. <...> Сама *синергетическая парадигма рождает сомнения в строгой императивности любых научных рекомендаций*¹.

Тезис о том, что большее знание об общественной жизни, даже подкрепленное практическим опытом, равносильно большей предсказуемости, а значит, и контролю над нашей судьбой, был опровергнут Ф. Хайеком, К. Поппером, Э. Гидденсом и другими философами. Расширение нашего понимания социального мира, считает Э. Гидденс, могло бы привести к все более ясному постижению человеческих инстинктов и, следовательно, к возрастающему технологическому контролю над ними, если бы это знание постоянно проникало в мотивы социального действия, производя шаг за шагом рост рациональности поведения в отношении специфических потребностей. Однако никакой объем накопленных знаний об общественной жизни не может охватить всех обстоятельств их применения². «Только немногие институты сознательно спроектированы, тогда как их абсолютное большинство просто “выросло” как неспроектированные результаты человеческих действий. <...> Теперь мы можем добавить, что даже большинство тех немногих институтов, которые были сознательно и успешно спроектированы (скажем, новый университет или профсоюз), никогда не функционируют в соответствии с планом их создания, и это обусловлено непреднамеренными социальными последствиями, которые неминуемо возникают в ходе их целенаправленного конструирования»³.

---

¹ Мальцев Г. В. Социальные основания права. М., 2007. С. 91, 95, 99.

² Giddens A. The Consequences of Modernity. Stanford, 1990. P. 39—47.

³ Поппер К. Открытое общество и его враги. В 2 т. Т. 2 / пер. с англ. под общ ред. В. Н. Садовского. М., 1992. С. 111.

Ко всему прочему, ограниченность научных предсказаний, в том числе в теории государства и права, обусловлена имманентностью непреднамеренных последствий у любого социального (и юридического) действия¹, наличием дисфункций или латентных функций у любого социального (и правового) института², а также невозможностью однозначной квалификации социального действия как хорошего/плохого, полезного/вредного, правомерного/противоправного³ и т. д. Социальные явления и процессы не существуют вне (без) их интерпретации и обусловлены позицией наблюдателя. Их оценка исторически и социокультурно контекстуальна: зависит от обстоятельств места и времени, следовательно, релятивна⁴. Поэтому в глобальной перспективе невозможно дать однозначную оценку, например, научно-техническому процессу в плане его влияния на экологию.

В связи с вышеизложенным справедливым представляется пессимизм Л. И. Спиридонова и некоторых других юристов по поводу завышенных ожиданий в отношении возможности предсказательной функции юридической науки. «Люди, как бы высоко они сами не оценивали свою научно-техническую вооруженность, до сих пор, по существу, пользовались только одним методом, который в современной логике получил название “метод проб и ошибок”»⁵. При этом, как остроумно замечают Ю. Д. Блувштейн и А. В. Добрынин, «число ошибок очень близко к числу проб, что свидетельствует о крайней ненадежности

---

¹ Лал Д. Непреднамеренные последствия : Влияние обеспеченности факторами производства, культуры и политики на долгосрочные экономические результаты : пер. с англ. М., 2007. 337 с. (Серия «Экономика»).

² См.: Мертон Р. Социальная теория и социальная структура / пер. с англ. Е. Н. Егоровой [и др.]. М., 2006. С. 105—184.

³ Таковая квалификация зависит от позиции внешнего наблюдателя и принятых сегодня в данном обществе критериев отнесения соответствующих деяний к правомерным/противоправным.

⁴ О зависимости социальных институтов от позиции наблюдателя, формирующего конститутивные нормы, а тем самым отчасти и сам институт, см.: Searle J. R. *Op. cit.* P. 24—33.

⁵ Спиридонов Л. И. Социология уголовного права. С. 84 ; Его же. Избранные произведения ... С. 219.

этого метода»¹. Поэтому даже в криминологии — науке с весьма развитым математическим аппаратом — считается, что наилучшим методом краткосрочного прогноза является экстраполяция². Таким образом, прогностическая функция юридической науки, конечно, существует, но является ограниченной в связи с принципиальной неполнотой нашего знания о таком многогранном и постоянно изменчивом объекте, как право.

Функция производства нового знания. Функция *производства нового знания* является, пожалуй, самой парадоксальной с точки зрения постклассической методологии. Дело в том, что наука не может объяснить и рассчитать, как, когда и почему произойдет новое научное открытие. Новое знание, если это действительно новое знание, никогда не является продолжением или экстраполяцией старого, существующего знания. Любое научное открытие принципиально неалгоритмизируемо: иначе все научные открытия были бы сделаны³. Поэтому контекст научного открытия со времен позитивизма отграничивают от контекста научного обоснования, а сегодня и социального признания научного знания⁴. Однако можно и нужно исследовать факторы, стимулирующие работу «переднего края» науки, чем, собственно говоря, занимается социология знания⁵. Среди них важное место занимают такие социальные факторы, как финансирование научных исследований, общественное признание, наличие институциональной инфраструктуры научных исследований, пропаганда результатов научной деятельности. К «внутриэпистемологическим» факторам следует отнести междисци-

---

¹ Блувштейн Ю. Д., Добрынин А. В. Основания криминологии. Опыт логико-философского исследования. Минск, 1990. С. 28.

² Там же. С. 33.

³ В этой связи отчасти справедливыми видятся замечания «эпистемологического анархиста» П. Фейерабенда, который полагает, что чем больше в науку будет принесено «ненаучного», тем больше это будет стимулировать появление нового знания.

⁴ Князева Е. Н. Предисловие // Эпистемология креативности : сб. ст. / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; отв. ред. Е. Н. Князева. М., 2013. С. 4—5.

⁵ Огурцов А. П. Междисциплинарные исследования творчества: итоги, поиски, перспективы // Философия науки: двадцатый век. Концепции и проблемы. В 3 ч. Ч. 2. Философия науки. Наука в социокультурной системе. СПб., 2011. С. 328.

плинарность¹, а также метафоричный² и синтагматичный перенос знаний из одной области в другую, в данном случае — в юриспруденцию³. Это дает новый взгляд на старые проблемы, возможность увидеть их в новом свете. Во многом из такого «переноса» и рождается новое знание.

Критико-преобразовательная функция юридической науки связана с принципиальной необходимостью изменения правовой реальности. Поэтому критическое отношение к действующему праву — чрезвычайно важное предприятие науки⁴. Только критический подход позволяет юридической науке занять позицию антидогматизма и перестать быть служанкой власти предрержащих. Поэтому призывы «вернуть догматические традиции из забвения»⁵ равноценны комментаторству действующего законодательства без каких-либо попыток его оценки и предложений по совершенствованию. В то же время, несмотря на достаточную распространенность и популярность критической парадигмы в юриспруденции⁶, необходимо обратить внимание на ме-

---

¹ Касавин И. Т. Социальная онтология, конструирование знания и междисциплинарные исследования // Онтологии артефактов : взаимодействие «естественных» и «искусственных» компонентов жизненного мира / Рос. акад. нар. хоз-ва и гос. службы при Президенте Российской Федерации ; под ред. О. Е. Столяровой. М., 2012. С. 166—174.

² Метафоре внутренне присущ эффект новизны, утверждает Д. Дэвидсон. — Дэвидсон Д. Что означают метафоры // Теория метафоры / Э. Кассирер, Р. Якобсон, А. Ричардс [и др.]. М., 1990. С. 179.

³ Касавин И. Т. Философский дискурс как междисциплинарный метод гуманитарных наук // Эпистемология и философия науки. 2012. Т. 10. № 4. С. 177.

⁴ В отечественной юридической науке, по замечанию А. Э. Жалинского, преобладает нарративная функция описания и комментирования действующего законодательства в ущерб критической. — Жалинский А. Э. Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2009. С. 143, 147—148 и след. К. Осакве характеризует стиль научных трудов российской юриспруденции как нетворческое и некритическое описание и повторение действующего закона (глоссаторский стиль). — Осакве К. Сравнительное правоведение в схемах: общая и особенная части. М., 2000. С. 68.

⁵ Михайлов А. М. Генезис континентальной юридической догматики : монография. М., 2012. С. 4.

⁶ К критической парадигме можно отнести коммуникативную теорию права, неомарксизм, школу критических правовых исследований, сторонников

тодологические трудности ее реализации. Так, в связи с неустраняемым теоретическим и методологическим плюрализмом в правоведении не может быть окончательного ответа на вопрос об оценке правовой реальности и единственно верного варианта ее преобразования. В связи с этим возникает необходимость в критике критики — рефлексии над собственными теоретическими изысканиями¹.

Проблемы преобразовательной функции юридической науки связаны главным образом с неопределенностью результативности воздействия права на общественные отношения, вытекающие из принципа неопределенности, рассмотренного выше. Конечный результат правового (проявляющегося чаще всего как законодательное) воздействия, как и всякое социальное явление, является амбивалентным. Считать его положительным или отрицательным невозможно, так как одно всегда содержит другое, и наоборот. Все дело в точке зрения, в системе координат, в которой оценивается этот результат: если правовая инновация, например, в области гражданского права приводит к росту экономической активности, то она же, как правило, приводит к возрастанию экономической преступности; изменение социальной политики (которое невозможно без реформ законодательства социального обеспечения) может привести к увеличению деторождаемости, т. е. положительному изменению демографической ситуации в стране, однако это же будет способствовать увеличению преступности, динамика которой четко коррелирует с ростом населения. Эта проблема дополняется непредвиденными и нежелательными последствиями (экстерналиями)², которые сопровождают любое благое (считающееся таковым) начинание.

Следует констатировать, что принимаемое решение не выводится автоматически из собранных данных, а представляет собой трансформацию научной информации в практические сред-

---

критического дискурса-анализа в праве, юридический постмодернизм П. Шла-га, Г. Милза и др.

¹ Пермяков Ю. Е. Юриспруденция как строгая наука // Юриспруденция в поисках идентичности : сб. ст. / Самарская гуманитарная академия. Самара, 2010. С. 130—131.

² Проблема экстерналий состоит также в том, что индивидуально рациональное поведение (с точки зрения теории рационального выбора — эгоиста *homo economicus*'а), например чрезмерный вылов рыбы, вырубка леса и т. п., может быть пагубным. — Эльстер Ю. Указ. соч. С. 315.

ства, позволяющие удовлетворять соответствующие интересы. Схема процедуры внедрения инновации включает следующие этапы: формулировка принятых решений (инноваций); экспериментальная их апробация; прогноз возможных проблемных ситуаций; организационный регламент нововведения; внедрение¹. Как видим, рациональный компонент принятия решения и его реализации² состоит в том, что принимаемое решение, насколько это возможно, вводится первоначально на ограниченной территории и корректируется в ходе тщательного наблюдения за его реализацией по принципу метода проб и ошибок.

1.4. Структура юридической науки

Науку, включая и юридическую, можно структурировать по разным основаниям. Известный философ науки С. А. Лебедев, автор учебников по истории и философии науки, полагает, что «в современной философии науки выделяют и описывают следующие аспекты науки:

- 1) наука как особый вид и система знания;
- 2) наука как специфический способ познавательной деятельности;
- 3) наука как особый социальный институт;
- 4) различные культурно-исторические типы науки;
- 5) различные виды научной деятельности (познавательная, практическая, инновационная, организационная и др.);
- 6) различные области науки и научные дисциплины;
- 7) различные уровни научного знания (эмпирический, теоретический, метатеоретический);
- 8) организационное строение науки (виды научных организаций, научных сообществ и их функции);
- 9) множество научных ценностей и регулятивов научной деятельности (Истина, Польза, Обоснование, Доказательство и др.);
- 10) множество различных методов науки;
- 11) пространственное разнообразие науки (глобальная, национальная, региональная наука).

Каждый из указанных выше структурных аспектов науки может быть проанализирован в двух основных планах —

---

¹ Батыгин Г. С. Указ. соч. С. 228.

² Там же. С. 234.

синхронном и диахронном. Синхронный анализ имеет своей задачей рассмотрение и описание любого аспекта науки в его статике в конкретный момент. Целью же диахронного анализа является рассмотрение структуры науки в ее динамике, эволюционном изменении и историческом развитии»¹. Не все из представленного маститым философом можно безусловно отнести к структурным элементам науки (например, области науки или наука в динамическом — диахронном — аспекте), хотя подробность и обстоятельность вышеизложенной классификации отрицать не приходится. Рассмотрим некоторые из выделенных элементов применительно к структуре юриспруденции.

Если науку отождествлять с суммой знаний, то ее структуру образуют уровни научного знания. К таковым следует отнести философско-идеологический, теоретический и эмпирический уровни. На философском уровне формулируются основания науки, исходные «аксиомы», общие представления о мире (мировоззрение, граничащее с идеологией). Идеология сегодня представляет собой систему легитимации. Вписывая научное знание в контекст господствующих в данном социуме ценностей, научное знание встраивается в картину мира, существующую в обществе. Такого рода основания юриспруденции задает философия права. «Средний» теоретический уровень юридической науки представлен правовой догматикой — знаниями о содержании правовой системы общества. Эмпирический уровень образуют факты о том, как нормы права реализуются на практике.

Научное знание распределяется по структурным элементам, которыми выступают научные дисциплины. Дисциплинарная структура юриспруденции представлена теоретико-историческими дисциплинами, отраслевыми и специальными. Среди них особую роль играет теория права, понимаемая не только как пропедевтика, т. е. введение в отраслевые и специальные юридические дисциплины (такую роль может играть, например, дисциплина «Введение в специальность»), но, что представляется более важным, как теоретическая их — отраслевых и специальных юридических наук — основа. Для адекватного и глубокого изучения, например, понятия преступления и его признаков

---

¹ Лебедев С. А. Структура науки // Вестник Московского университета. Сер. 7, Философия. 2010. № 3. С. 28—29.

необходим, как это ни странно, выход за рамки науки уголовное право. Чтобы определить то, как трактовать общественную опасность — «материальный» признак преступления, — необходимо выяснить, что такое общество и как трактовать деяния (действия или бездействие), создающие для него опасность. А это такие вопросы, которые выходят за рамки традиционно понимаемого предмета науки уголовное право. В этом состоит теоретико-методологическая роль общей (можно сказать — «общеотраслевой») теории права.

Если науку рассматривать с точки зрения воспроизводства знаний, то ее структуру можно представить в виде стадий этого процесса. К стадиям научной деятельности уместно отнести осознание потребности в выработке нового знания; формулирование рабочей гипотезы; определение методики исследования, прежде всего методов и средств его проведения; проведение исследования; фиксация результата и его оформление; оценку результата и оформление всего исследования целиком.

Наука, как известно, это не только знания и процесс его воспроизводства, но и научное сообщество, которое занимается этим. В этом смысле наука структурируется с точки зрения научного сообщества, которое, как считалось еще совсем недавно, состоит из научных школ. *Научная школа* представляет собой малую группу (в социологическом смысле), объединенную неформальным лидером (его статус может совпадать с формальным) и соответствующей научно-исследовательской программой¹. В социальной психологии к этим признакам научной школы также добавляют единство стиля мышления, переходящее от учителя к ученикам². Критерии научной школы достаточно условны и не являются четко зафиксированными в каких-либо

---

¹ Следует заметить, что в западной литературе практически не используется термин «научная школа». Там принято говорить о «невидимом (незримом) колледже» (объединение ученых, проживающих зачастую в разных странах, общей исследовательской проблемой), неформальных или институционализированных малых группах — научных коллективах. — Научная деятельность: структура и институты : сб. пер. [с англ. и нем.] / сост., общ. ред. и вступ. ст. Э. М. Мирского, Б. Г. Юдина. М., 1980. 430 с. ; Коммуникация в современной науке : сб. пер. [с англ.] / сост., общ. ред. и вступ. ст. Э. М. Мирского, В. Н. Садовского. М., 1976. 438 с. (Логика и методология науки).

² См.: Юревич А. В. Социальная психология науки. СПб., 2001. С. 169 ; Карцов В. П. Социальная психология науки и проблемы историко-научных исследований. М., 1984. С. 75.

нормативных документах. По мнению В. П. Карцова, в качестве таковых можно считать: единство программы деятельности, в том числе предмета исследования; непосредственное общение членов научной школы, включая общение учеников с учителем; идентичность школы как коллектива (имеется в виду психологическое отличие от других коллективов); потребность в кооперации деятельности¹. А. П. Огурцов в качестве особенностей научной школы выделяет следующие. «Во-первых, научная школа есть форма кооперации деятельности ученых, тип научного коллектива, который объединяет усилия различных исследователей. Во-вторых, внутренняя структура научной школы обладает определенной иерархией. В этом научном коллективе вычленяется лидер. Он является автором определенной теоретической программы, вокруг которой объединяются остальные члены научной школы. Лидер научной школы является генератором той идеи, которая принимается в качестве исходной при решении поставленных проблем. Научная школа формируется двумя путями. Лидер научной школы может выдвинуть и разработать научную теорию, которая получает признание. В этом случае члены научной школы ориентируются на дальнейшее развитие этой теории, на ее применение к другим областям, на ее корректировку и освобождение от ошибок, отклонений и пр. ... В-третьих, многие школы, наряду с решением собственно исследовательских проблем, ставят перед собой задачу подготовки научных кадров. Поэтому лидер научной школы выступает не только как генератор исходной теоретической программы, но и как учитель, способствующий формированию исследователей в данной области. Состав такой научной школы постоянно обновляется, в нее постоянно вливаются новые силы, которые после обучения и работы в научной школе продолжают исследования в своей области»².

Обязательным условием существования научной школы является научная концепция с соответствующим предметом и методом познания реальности. Эти исходные установки видения (предмет) и познания (метод) реальности, выраженные в «классических» (для этой школы) трудах, должны разделяться некоторым количеством сторонников. При этом одно (концепция)

---

¹ Карцов В. П. Указ. соч. С. 80.

² Огурцов А. П. Основные стратегии историко-научных реконструкций // Огурцов А. П. Философия науки ... Ч. 3. С. 26—27.

предполагает второе (научное сообщество), так как вне ученых, тех, кто воспринимает некоторые идеи, знания как такового не существует (что бы по этому поводу ни писал К. Поппер, в частности о «третьем мире»). В то же время лидер научной школы может существовать как реально, так и виртуально — в «классических» трудах прошлого времени.

Полагаем, что сегодня в отечественной юридической науке вообще и теории государства и права в частности научных школ в прямом, буквальном, смысле очень немного.

В современном науковедении, развиваемом западными исследователями, принято, как уже отмечалось, выделять так называемый *«невидимый (или незримый) колледж»*. Это связано с изменениями, которые произошли в организации научного сообщества в последние 20—25 лет: от достаточно жесткой структуры научной школы наметился переход к гибким творческим коллективам и «объединениям ученых по интересам», или «незримым колледжам». Вот что по этому поводу пишет А. Л. Елфимов: «Сегодняшний контекст развития антропологического (как, впрочем, и любого другого гуманитарно-академического) знания существенно отличается от того, что имел место четверть века или тем более полвека назад. И способы организации дискурса, и способы институциональной организации исследовательских сообществ претерпели ощутимые изменения. Многие приоритеты и линии демаркации, сложившиеся на том или ином этапе XX в., сегодня не работают. Так, в антропологии/этнографии сегодня больше нет никакой “школы МГУ”, “петербургской школы” и т. д. Есть виртуальные “интерпретативные сообщества”, как назвал их американский литературовед Стенли Фиш, которые складываются по самым разным критериям и факторам: критериям выбора объекта исследований, факторам личных концептуальных или теоретических предпочтений и пр. “Школы”, в старом смысле слова, в сегодняшнем контексте не являются эффективным способом организации исследовательских сообществ и теряют способность воспроизводиться (и здесь российское академическое сообщество лишь следует тенденции, обозначившейся в западных сообществах уже четверть века назад). Традиционные научные “школы”, какими мы их знаем, поддерживались характерной системой более или менее перманентного сосредоточения кадров в одном месте

в условиях невысокой институциональной мобильности, монополией организации на определенный род источников (источники, которые были доступны в одной организации, не были доступны в другой и ревниво охранялись), своеобразной “идеологическо-теоретической” конкуренцией между организациями, которая также опиралась на понятия о преимуществах и лояльности (понятия, характерные для науки эпохи высокого модернизма, но унаследованные от более ранних эпох и на самом деле обусловленные столетиями развития специфических догм в христианской традиции знания).

Сегодня эта картина размыта, и факторы, поддерживавшие ее гармоничный образ, сами трансформировались или девальвировались: институциональная мобильность очень повысилась (хотя до уровня, имеющего место в США, в России ей еще чрезвычайно далеко), прежней монополии на источники больше нет, идеологическо-теоретическая конкуренция больше не выступает эффективным мотивирующим фактором, принципы долговременной преимущества и лояльности не работают в мобильном и фрагментированном обществе, в котором понятие “социальная стабильность” потеряло былое значение. Иными словами, сегодня ученые объединяются не на тех принципах, что полвека назад¹.

Первоначально термином «незримая коллегия» обозначались неформальные коммуникации ученых в эпоху Возрождения, призванные «порвать с той формой институционализации науки и преподавания, которая осуществлена в средневековых университетах»². Незримая коллегия — это «определенный тип коммуникации между учеными, коммуникации неформальной, осуществляющейся в переписке и ставящей целью обсудить свои работы, обеспечить приоритет, получать сведения об исследованиях других ученых. <...> Этот тип коммуникации существует в исследовательских объединениях и называется у разных историков науки по-разному — “невидимый колледж”, “научная школа”, “сплоченная группа”, “социальный круг” и т. п. Неформаль-

---

¹ Елфимов А. Антропология в разных измерениях: предисловие составителя // Антропологические традиции: стили, стереотипы, парадигмы : сб. ст. / ред. и сост. А. Л. Елфимов. М., 2012. С. 14.

² Огурцов А. П. Научный дискурс: власть и коммуникация (дополнительность двух подходов) // Философия науки ... Ч. 2. С. 271.

ный характер общения между учеными — главная черта такого рода объединений»¹. «В основе представлений о “невидимом колледже” лежит, видимо, то обстоятельство, что в каждом из наиболее активных и соревнующихся друг с другом научных направлений обнаруживается существование особой “внутренней группы”. Входящие в такую группу ученые оказываются обычно в прямом контакте с каждым исследователем, который вносит весомый вклад в данное направление, не только на национальном, но и на международном уровне, включая все страны, где данное направление получило достаточное развитие. Основным состав группы собирается обычно где-нибудь в приятных местах на узких конференциях. Члены этой группы информационно связывают отдельные исследовательские центры. Они пересылают друг другу препринты и оттиски статей, сотрудничают в исследованиях. Эти лица составляют как бы ядро, объединяя всех более или менее известных ученых, исследователей данного направления, они оказываются в состоянии контролировать финансирование и лабораторное обеспечение исследований как на местах, так и в национальном масштабе»².

К «незримым колледжам» в отечественной теории государства и права можно отнести многолетние обсуждения проблем пост-классической философии и теории права в Санкт-Петербурге, юридической техники — в Нижнем Новгороде, юрислингвистики — в Барнауле, правовой жизни — в Краснодаре и некоторые другие.

Оригинальную классификацию (структурацию) исследователей, образующих дискурсивное поле, предлагает известный социолог В. И. Ильин. В центре поля — автор традиции (**«основоположник»**). Живой «основоположник» несет на себе бремя идентичности: Я — это мое дискурсивное поле (вспомним классическое «государство — это я!»). Представляя себя внешнему миру, он не может играть, отступая от своей высокой роли. Вслед за ним идут **«апостолы»** — люди, наделенные в своем дискурсивном поле правом интерпретации наследия основоположника применительно к конкретным местам и временам. Следующий уровень — **«проповедники»**. Их жизнь наполнена идеями, нормами и ценностями дискурсивного поля. Они хорошо

---

¹ Там же. С. 275.

² Прайс Д. Дж. Де Солла, Бивер Д. Дж. Сотрудничество в «невидимом колледже» // Коммуникация в современной науке. С. 335—336.

знают идеи и «основоположников», и «апостолов», стараются строить свою жизнь с их учетом, словом и делом вербуют новых последователей. **«Активисты»** — те, кто достаточно глубоко включен в жизнь дискурсивного поля, знает его идейные основы и практики, но их жизнь не сводима к образу жизни, диктуемому полем. Они могут быть хорошими экспертами по вопросам, касающимся внутреннего дискурса, но это лишь часть их идентичности. **«Пассивные»** — члены поля, которые глубоко не вникают в его логику, в его жизнь. Они не чувствуют сильного давления поля, исполняют его предписания выборочно, могут быть совершенно не информированы во многих вопросах, выходящих за рамки их повседневной жизни. **«Случайные»** — те, кто «забрел» в данное дискурсивное поле. Это могут быть новички, которые пока только присматриваются к нему, но могут быть и вечные старожилы: они здесь давно, но в силу разных причин ограничиваются самим знанием и навыками. Их образ жизни предопределен иными полями¹.

В структуре научного сообщества также можно выделить **классиков, «передний край» науки, и систематизаторов знания**. Следует заметить, что в отечественной юридической науке вопрос о критериях и персоналиях классики совершенно не разработан. Нам неизвестно ни одной работы, в которой обсуждалась бы проблема классики применительно к юриспруденции, хотя в каждой диссертации и даже дипломной работе упоминаются персоналии, заложившие «теоретические основы исследования». Немного лучше обстоит дело и в других общественных науках. Возможно, такое отсутствие внимания объясняется кажущейся умозрительностью вопроса. Однако, как представляется, это вопрос не о том, чем «классик» отличается от «основоположника» или «родоначальника» какого-либо направления, «видного представителя» и т. п., а о том, насколько классика актуальна сегодня, дает ли приращение знаний чтение (перечитывание) классических работ.

О включении какого-либо мыслителя в пантеон классиков свидетельствует переиздание его работ, теоретические исследования, посвященные его творчеству. Его имя должно войти в перечень традиционно упоминаемых классиков в современных

---

¹ Ильин В. И. Драматургия качественного полевого исследования. СПб., 2006. С. 40—41.

работах, посвященных соответствующей проблематике (в нашем случае — теории права). О его «классичности» (принадлежности к разряду классиков) говорят упоминания или серьезные разборы (в зависимости от уровня исследования) творческого наследия ученого в курсах истории политических и правовых учений.

Общепризнанными критериями «классичности» в зарубежной литературе признают: культурный резонанс; текстуальную пластичность; читательское восприятие; передачу и распространение. Близкую позицию излагают авторы единственной в нашей литературе междисциплинарной монографии, в которой исследуется проблема классики: классические работы 1) считаются/называются классическими в научном сообществе; 2) изучаются в процессе обучения, т. е. «в классах»; 3) явным образом используются в исследованиях современных авторов¹. Более развернутая характеристика классики применительно к социологии: «Поддержание “классической репрезентативности” зависит от трех типов связей. Во-первых, от *внутренней согласованности*. Создателям теоретических систем, в которых каждое понятие связано с каждым другим, схема рассуждений ясна и непротиворечива, аргументация выстроена по правилам формальной логики (Эмиль Дюркгейм), проще войти в пантеон классиков, нежели выдающимся эмпирикам, добившимся заметных результатов в наблюдении социальной реальности, но не выстроившим с использованием этого материала никакой фундаментальной теоретической конструкции (Пол Лазарсфельд). Во-вторых, “классическая репрезентативность” зависит от *внешней согласованности*, то есть от встроенности предложенного теоретического аппарата в корпус социологического знания и, что особенно важно, от его согласованности с аксиоматическим ядром дисциплины. Так, теоретические конструкции Макса Вебера, Толкотта Парсонса и Карла Маркса до сих пор успешно применяются в исследованиях социальной стратификации. При том что предлагаемые в этих подходах интерпретации исследуемого предмета противоположны и взаимоисключающи, ни один из

---

¹ Полетаев А. Классика в общественных науках // Классика и классики в гуманитарном знании / под ред. И. М. Савельевой, А. В. Полетаева. М., 2009. С. 13.

них не подвергает сомнению основную аксиому стратификационных изысканий — существование социального неравенства как такового. Не меньшее значение имеет третий тип связи — связи хорошо распознаваемого и встроенного в корпус социологии комплекса идей с *именем* классика. Имена Дюркгейм, Вебер, Парсонс становятся маркерами теоретических комплексов “социологизм”, “понимающая социология”, “структурный функционализм” и ассоциированных с ними построений. Эта связь делает излишним чтение самих классиков, их имена лишь маркируют общие места в научной дискуссии¹.

И. Т. Касавин полагает, что классические тексты складываются из «архетипов», или «архэ», — описаний первоначальных событий, задавших некоторую культурную ситуацию на многие века вперед. «Подобные тексты представляют собой жизнь, прошедшую процедуру деконтекстуализации и превратившуюся в априорное условие всякой жизни. Это проявляется, в частности, в том, что эти тексты, формально имея и начало, и конец, в сущности, не имеют ни начала, ни конца»². Несомненно, к классикам отечественной теории государства и права следует отнести общепризнанных дореволюционных авторов — Н. Алексева, Н. Коркунова, П. Новгородцева. Л. Петражицкого, И. Ильина и др., советских теоретиков права — С. С. Алексева, Д. А. Керимова, В. С. Нерсесянца, Н. М. Марченко и др.

Вместе с тем отношение к классике или включение классики в современную науку — вопрос непростой. В литературе существует достаточно распространенное мнение, что изучение классических работ ничего не дает современным научным исследованиям, так как они относятся к прошлому (иному) социальному контексту и не могут помочь нам в изучении изменившегося объекта исследования³. Об этом же пишет в автобиографии вы-

---

¹ Вахштайн В. «Неудобная классика»: творческое наследие Ирвинга Гофмана // Там же. С. 77.

² Касавин И. Т. Философский дискурс: проблема ... С. 190.

³ Полетаев А. Указ. соч. С. 25—26. Ю. Эльстерем, формулируя критерии научности, заявляет: «...»классиков» дисциплины читают преимущественно историки науки. Как утверждал Альфред Уайтхед: “Наука, которая не торопится забыть своих основателей, безнадежна”. — Эльстер Ю. Объяснение социального поведения: еще раз об основах социальных наук. М., 2011. С. 449. Хо-

дающийся медиевист А. Я. Гуревич: «Как писал о себе и других ученых людях Бернар Шартрский в начале XII века, “мы подобны пигмеям на плечах гигантов”. Он справедливо исходил из мысли, что ученый должен быть глубоко осведомленным о трудах своих предшественников и опираться на них; если же он видит дальше и острее своих предшественников, то только потому, что усвоил сделанное до него. Я отчетливо сознаю, что за последние десятилетия сама природа исторического знания изменилась настолько, что мы уже не можем следовать по стопам учителей. Но мы должны суметь включить все ценное из накопленного ими в наши построения»¹.

Следует заметить, что отношение к классике отличается в разных науках и, более того, в различных их областях: в естественных дисциплинах и «эмпирически ориентированных» (т. е. прикладных, технических) классика лишь почтительно (ритуально) упоминается², в то время как в общественных и тем более гуманитарных является объектом постоянного переосмысления. В то же время «передний край» науки менее чувствителен к классике по сравнению с «нормальной» наукой, фиксирующей накопленные знания. Это можно проиллюстрировать индексом цитирования, ставшим столь популярным сегодня, в том числе и в нашей стране (по нему предлагается измерять степень востребованности ученого и в зависимости от него определять размер заработной платы).

тя не все согласны с такой точкой зрения. Т. Парсонс, например, утверждал, что классические тексты неисчерпаемы, в них всегда можно найти что-нибудь новое. — Parsons T. Revisiting the Classics Throughout a Long Career // *The Future of the Sociological Classics* / ed. by B. Rhea. London, Published by Allen & Unwin, 1981. P. 189—190.

¹ Гуревич А. Я. История историка. М., 2004. С. 31.

² «Именно таков статус классиков в новоевропейских естественных науках: это “гении”, которых “чтят”, но издалека, без непосредственного контакта с их творчеством. Современный физик, если только он не историк физики, больше не читает Ньютона, да, пожалуй, и Эйнштейна, их идеи доходят до него через чужие изложения. В естественных науках нет “учебы у классиков” и нет представления о неисчерпаемости их наследия; собственно, в этих науках сегодня нет и канонических текстов как таковых, их заменяет набор общедоступных, всеми опознаваемых “цитат”: теорем, формул, численных показателей, экспериментальных процедур и т. д. ...». — Зенкин С. Гуманитарная классика: между наукой и литературой // *Классика и классики...* С. 282—283.

По мнению В. Вахштайна, классик включается в наличное знание и превращается в банальную очевидность¹. Тем самым классик становится мифом, в терминологии Р. Барта². Вообще говоря, мифы или стереотипы восприятия неизбежно присутствуют в любой научной теории, так как в ней всегда имеет место предпосылочное знание (пред-рассудочное, по Г.-Г. Гадамеру), всем известные азбучные истины, не требующие еще одного очередного доказательства (что Земля — центр солнечной системы или одна из планет, в зависимости от исторической эпохи и господствующих в ней стереотипов — эпистем, возможно — парадигм в куновском смысле слова). Естественная установка (в терминологии социальной феноменологии) экономит мышление. В этом смысле мифическое не есть антинаучное, как это до сих пор утверждается в сциентистской философии. Задача критической теории (особое значение имеющей в общественных науках) состоит в деконструкции, демифологизации науки. Для чего? Для роста (изменения) знания: новое не может возникнуть из старого. Новизна возникает из иного взгляда на объект, например с позиций другой научной дисциплины, как это ни парадоксально — из вненаучного. Научные гипотезы произрастают преимущественно из междисциплинарности и того знания, которое традиционно к научному не относится. Последнее как раз и имеет форму мифов, стереотипов, общего мировоззрения, адаптируемых философским уровнем науки. В этом суть принципа пролиферации, выдвинутого П. Фейерабендом³.

Более того, так как любое восприятие всегда неполно, огрубленно воспроизводит реальность, оно неизбежно несет мифические, стереотипические черты, особенно в области общественных наук, объектом которых выступает текст в широком смысле слова. Тем самым мифологизируется социальная реальность. Поэтому любой классик неизбежно воспринимается сквозь призму мифов, стереотипов, господствующих предубеждений,

---

¹ Вахштайн В. Указ. соч. С. 76.

² Миф, по мнению Р. Барта, — это расхожие слова (докса), пропитывающие собой всю социальную реальность и подменяющие ее. Миф — это «*метаязык*, вторичный язык, на *котором* говорят о первичном». — Барт Р. Мифологии. М., 1996. С. 240.

³ Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. М., 1986. С. 166—178.

сложившихся (конструируемых и воспроизводимых референтной группой) в культуре социума.

Адекватное прочтение классика — это соотнесение «антикварного» погружения в прошлое (как биографическое, так и социокультурного окружения автора) с настоящим (возможной востребованностью идей автора современной наукой, включая ее «передний край»). Тем самым возникает диалог (как научный метод) прошлого и настоящего, историзма и актуализма¹. При этом позиция сегодняшнего дня (актуализм) задает приоритет в восприятии наследия классика, так как вопрос к нему обращается из современности.

От классиков следует отличать ученых *«переднего края»* — это те, кто предлагает новые идеи. Если они принимаются научным сообществом, то дальше в работу вступают «систематизаторы знаний», вводящие новые идеи в учебники, наличный запас знаний. И тут возникает проблема того, что считать научным из того, что выдвигается на «переднем крае».

1.5. Критерии научности юридической теории

Проблема критериев научности — одна из наиболее актуальных в современной эпистемологии. Она вызвана тем, что в нынешней ситуации, именуемой «постклассикой», поставлены под сомнение критерии научности как таковые, как и привилегированный эпистемологический и социальный статус науки. В соответствии с принципом пролиферации, сформулированным П. Фейерабендом, чем более несовместимой с господствующей точкой зрения является выдвигаемая гипотеза, тем лучше, так как научная новизна требует таких «сумасшедших» идей². Действительно, многие научные открытия представлялись научному сообществу поначалу абсурдными и лишь спустя некоторое время признавались в качестве нового научного достижения. И чем их больше, тем, по мнению знаменитого философа, в большей степени будет обеспечен прогресс науки³. Но в то же

---

¹ Суть диалога, несколько упрощая, — коммуникация (как реальное взаимодействие, так и ментальное), при которой *принимается* точка зрения другого.

² Фейерабэнд П. Указ. соч.

³ Там же.

время стоит ли любую «сумасшедшую» идею считать научной и пытаться применять на практике и преподавать в вузе? В любом случае принцип пролиферации и близкий ему принцип релятивизма размывают границы между научным и ненаучным.

На всем протяжении истории юридической науки, с момента ее институционализации, мало кто подвергал сомнению ее претензии на громкое название Наука. Такой ее статус не ставился под сомнение до самого последнего времени, в том числе в эпоху господства позитивистской методологии. Исключение, может быть, составляли представители естественных наук. Так, известный физик нобелевский лауреат Л. Д. Ландау все науки классифицировал на естественные (физика, химия и т. д.), неестественные (математика) и противоестественные (общественные, или гуманитарные, науки, к которым относится юриспруденция)¹. Сегодня, когда поставлены под сомнения «классические» критерии научности, юриспруденция не может остаться в стороне от обсуждения такой животрепещущей проблемы, как критерии ее отнесения в разряд наук. Причем проблема усугубляется не только возможной потерей такого привилегированного статуса. От того, что в Англии до сих пор юриспруденция относится к числу искусств, ничего страшного не происходит. Важнее другое: если раньше научный разум выступал главным критерием легитимности социального (в том числе и правового) порядка, то сегодня, в условиях кризиса рациональности как таковой, он поставлен под сомнение². Отсюда проблематичность обоснования права, общественного порядка и самого общества.

1.5.1. Классические критерии научности юриспруденции

Наука чаще всего отождествляется с суммой знаний³. Знания, претендующие на статус научных, должны отвечать кри-

---

¹ Приводится по: Михайлов Ф. Т. Самоопределение культуры. Философский поиск. М., 2003. С. 51.

² Bauman Z. Legislators and Interpreters: On Modernity, Postmodernity and Intellectuals. Cambridge, 1987. В этой книге известный английский социолог показывает изменение статуса интеллектуалов — а значит, и науки — в эпоху постмодерна: ученый (и наука) превратился из законодателя в интерпретатора.

³ А. П. Огурцов пишет, что «обычно в анализе науки используются три подхода, благодаря которым в ней вычленяются три характеристики — наука

терию истинности. Долгое время считалось, что критерии истины как соответствия суждения действительности (так называемая корреспондентская теория истины) и, следовательно, научности вечны и неизменны. Сама же наука, предполагалось, развивается от меньшего объема знаний к большему, т. е. к открытым истинам добавляются все новые и новые. Ранее установленная истина при этом сомнению не подвергалась — ведь это абсолютно достоверное знание. Такая концепция науки, зародившаяся в Новое время и доминировавшая до середины XX в., в современном науковедении получила название кумулятивной.

Положение о том, что результаты философского и научного познания должны быть вечными и тем самым неопровергаемыми истинами, является лейтмотивом рационалистической философии Нового времени. Интуитивные истины у Декарта, истины разума у Лейбница, синтетические и аналитические суждения у Канта, принципы наукоучения у Фихте — все это различные наименования кумулятивного образа науки в методологии Нового времени. При этом уже со времен Декарта проводится размежевание методологии науки и этики как форм знания, одна из которых дескриптивна, а другая — нормативна. Декарт в «Правилах для руководства ума» сформулировал 21 правило, которыми следует руководствоваться в постижении вещей. К ним, в частности, относятся: 1) цель научных занятий — твердые и истинные суждения о вещах; 2) цель научных занятий — не правдоподобное, а достоверное и несомненное знание; 3) знание — это ясное и очевидное усмотрение сути вещей и достоверное выведение; 4) постижение истины вещей нуждается в методе; 5) метод — это порядок и расположение постигаемых вещей для познания истины, который предполагает 6) отделение простых

---

1) как социальный институт, обладающий особой системой норм и ценностей, 2) как социальная по природе познавательная деятельность, осуществляющаяся научным сообществом и регулируемая определенными регулятивами и идеалами, 3) как система знания. Первые два подхода рассматривают науку в ее тесной связи с социокультурной системой. Третий же подход исключает науку из социокультурного контекста, подчеркивая неподвластность объективно истинного научного знания социально-историческому анализу. — Огурцов А. П. Научный дискурс: власть и коммуникация (дополнительность двух подходов) // Огурцов А. П. Философия науки ... Ч. 2. С. 237.

вещей от запутанных и усмотрение того, что является наиболее простым; 7) метод состоит в последовательном и непрерывном движении мысли, осуществляющемся в полной и достаточной индукции¹.

В «Рассуждении о методе» Декарт выделил четыре правила: 1) принимать за истину то, что дано уму очевидно, ясно и отчетливо; 2) делить каждую трудность на такое количество частей, которое потребуется для того, чтобы ее разрешить; 3) восходить в своей мысли от наиболее простого к более сложному; 4) делать полные и всеохватывающие перечни и обзоры для того, чтобы убедиться, что ничего не пропущено².

Такой — галилеевский, ньютоновско-декартовский — образец науки, как считает Л. Д. Гудков, значим и по настоящее время. Он включает в себя «требование логической упорядоченности знания, общезначимости фактов и систем их интерпретации, сведения объяснений к единому принципу рассмотрения (опыту) как общему критерию согласованности, необходимости подобного согласования в науке»³. Этой же идеей проникнуты принципы позитивистов XIX — нач. XX в. В отличие от рационалистов, абсолютная значимость (истинность) ими приписывается результатам опытного, а не теоретического познания. Неизменной сохраняется уверенность в возможности достижения абсолютной истины благодаря элиминации из науки социокультурных аспектов научной деятельности⁴. И те и другие основные усилия прилагали к тому, чтобы сделать научные знания объективными.

Рационалистическая философия науки в юриспруденции Нового времени представлена теорией естественного права Нового

---

¹ Декарт Р. Первоначала философии // Соч. В 2 т. Т. 1. М., 1989.

² Там же. См. также: Огурцов А. П. Методологические правила и этические нормы. (К истории проблемы) // Философия науки ... Ч. 2. С. 346—354.

³ Гудков Л. Д. Метафора и рациональность как проблема социальной эпистемологии. М., 1994. С. 301.

⁴ Следует заметить, что различия между рационализмом и эмпиризмом, на чем настаивают многие философы, не такие уж принципиальные. Да, это разные способы достижения эпистемологического идеала — абсолютной истины. Но уже у представителей логического позитивизма (неопозитивизма), например в программе Д. Гилберта, объединяется математический идеал строго доказанного и неопровержимого знания с «протокольными предложениями» — записями непосредственных результатов опыта.

времени. Последнее традиционно определяется как дозаконотворческий и незаконотворческий комплекс объективных закономерностей, необходимостей, правил социальной, общественно-политической жизни¹. Эти закономерности предписаны самой природой и запечатлены в человеческом разуме. Они мыслятся либо априорно в виде логической предпосылки, либо как «естественное состояние», исторически предшествующее общественному и государственному порядку.

На место философии Нового времени в XIX в. приходит несколько другая (хотя и в рамках той же эпистемы — ценностей и мировоззрения техногенной цивилизации) науковедческая программа — позитивистская. Позитивисты решили отбросить всякие абстрактные рассуждения, которые не могут быть сведены к опытным данным. С этого времени торжествует эмпиризм, а познание ограничивается изучением исключительно внешних признаков непосредственно наблюдаемых предметов.

Именно в XIX в. складываются классические критерии научности, выступающие эталоном научной деятельности. К ним относят логические и эмпирические критерии: непротиворечивость, полноту и независимость, характеризующие знание с позиций его формальной адекватности, стройности, совершенства внутренней организации, и опытную оправдываемость, означающую принципиальную эмпирическую апробируемость систем знания. Под апробируемостью понимается процедура, обеспечивающая возможность установления истинности (ложности) теоретических положений путем соотнесения их с определенным непосредственно наблюдаемым положением дел. И. Д. Невважай, известный современный отечественный философ, в качестве универсальных критериев научности, которые выработаны в математике и естественных науках и которые могут быть адаптированы в юриспруденции, называет «предметность, объективность, истинность, обоснованность, верифицируемость, фальсифицируемость»². В. М. Сырых к принципам научного

---

¹ Нерсесянц В. С. Право и закон. М., 1983. С. 361.

² Невважай И. Д. О возможностях адаптации критериев научности в науках о праве // Стандарты научности и *homo juridicus* в свете философии права: материалы пятых и шестых философско-правовых чтений памяти академика В. С. Нерсесянца / Рос. акад. наук, Ин-т государства и права; отв. ред. В. Г. Графский. М., 2011. С. 127.

познания относит объективность, всесторонность, историзм, принцип конкретно-исторического подхода¹.

На основе этих критериев были сформулированы императивы научного этоса, нормы, которыми руководствуются представители научного сообщества и которые, по мнению Р. Мертон, включают отношения научного сообщества и социума. К ним американский социолог относит «четыре набора институциональных императивов: универсализм, коммунизм, бескорыстность и организованный скептицизм». Универсализм находит непосредственное выражение в каноне, согласно которому претензии на истину, каким бы ни был их источник, должны быть подчинены заранее установленным безличным критериям: должны согласовываться с наблюдением и ранее подтвержденным знанием. Коммунизм, в неспециальном и более широком смысле общего владения благами, — второй неотъемлемый элемент научного этоса. Фундаментальные открытия науки являются продуктом социального сотрудничества и предназначены для сообщества. Они образуют общее наследие, в коем доля индивидуального производителя строго ограничена. Закон или теория, носящие чье-либо имя, не входят в исключительную собственность первооткрывателя и его наследников, равно как нравы не наделяют их особыми правами пользоваться и распоряжаться ими. Наука, как и вообще все профессии, включает в качестве базисного институционального элемента незаинтересованность. Этот императив предписывает исследователю руководствоваться только и именно поиском объективной истины без опоры на иные интересы, внешние по отношению к научным задачам. Организованный скептицизм требует от ученого руководствоваться доказательностью, обоснованностью, рациональностью, не воспринимать на веру чужие идеи, не следовать слепо авторитету, предполагает готовность к критическому отношению сообщества к его научному результату².

Для позитивизма, следовательно, критериями научности выступают либо *эмпирические факты*, либо/и *формальная логика* (наиболее последовательно представленная Венским «круж-

---

¹ Сырых В. М. Логические основания ... С. 36—51.

² Мертон Р. Исследования по социологии науки // Мертон Р. Социальная теория... С. 770—781.

ком», Берлинской и Львовско-Варшавской школами и заложившая основы современной аналитической философии). С этими установками соотносятся корреспондентская и когерентная теории истины, основанные на соответствии чувственно данному, в первом случае, и другим теоретическим утверждениям, во втором¹. Эти положения должны были бы стать основой построения юриспруденции как строгой науки, однако позитивистская программа так и не стала методологической основой как науки как таковой, так и юриспруденции.

Уже в начале XX в. надежды позитивизма были поставлены под сомнение. Кризис классической физики привел к убеждению, что опыт (и эксперимент) должен учитывать его условия (в том числе пространственно-временные), принимать во внимание методику его проведения, например используемые приборы, и самого наблюдателя. В этом суть сформулированного Н. Бором принципа дополнительности: объективная реальность зависит от способа ее описания, поэтому квант — это и волна, и частица (а может быть, заметим, и еще что-то третье, пятое, десятое).

Результаты опыта (становящиеся тем самым научными фактами) принципиально зависят от их интерпретации, поэтому оказалось, что одна и та же теория может быть подтверждена принципиально разными (несоизмеримыми) фактами, а один и тот же факт может входить в состав различных (несоизмеримых) теорий. Более того, факт — это не просто единичный предмет (элемент) объективного мира, но единичное суждение о предмете или, как пишет Э. Агацци, «точка зрения на... некоторый конкретный объект»². А такая точка зрения всегда контекстуально зависит не только от теоретических взглядов субъекта, но и от его мировоззрения, идиосинкразии (Р. Рорти). Таким

---

¹ См. подробнее: Куслий П. С. Понятие истины в аналитической философии // Понятие истины в социогуманитарном познании / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; отв. ред. А. Л. Никифоров. М., 2008. С. 64—72. О применимости когерентного, прагматического и семантического подходов к концепции истины в юриспруденции см.: Невважай И. Д. Указ. соч. С. 128—129.

² Агацци Э. Указ. соч. С. 130. В другом месте он пишет: «...объекты... всякой науки... должны пониматься как сеть отношений, из которых основные устанавливаются между атрибутами, определяемыми операционально с использованием инструментов и часто уже выраженных в форме абстрактных количеств, а остальные получают путем более или менее сложной математической обработки этих исходных данных». — Там же. С. 159.

образом, любой научный факт является «теоретически и мировоззренчески нагруженным и зависит от множества социокультурных факторов»¹. Поэтому один и тот же результат эмпирического изучения правосознания или факт принятия нового нормативно-правового акта может быть интерпретирован совершенно по-разному.

С другой стороны, как справедливо замечает А. Л. Никифоров, человек не «открывает» заранее «заготовленные природой факты, а активно воздействует на природу, налагая на нее отпечаток своей личности и деятельности... Факты возникают как итог деятельности человека, как результат его активного творческого воздействия на мир»². Следовательно, факты (практика как единичный и потому всегда ограниченный опыт) никогда не подтверждают теорию целиком и полностью и не могут служить критерием ее истинности³.

«Надо сказать, — пишет Ю. Е. Пермяков, — вопрос о собственных эмпирических основаниях юридическую науку на протяжении ее истории практически никогда не волновал. Было очевидно, что юридическая практика и законотворческая деятельность нуждаются в научных рекомендациях и представляют собою обширное поле для научных наблюдений и критического анализа. <...> Дело лишь в том, что ни один факт, заимствованный у юридической практики, не был способен опровергнуть научный тезис, поскольку для любого события юридическая теория могла легко подобрать такое определение и выбрать та-

---

¹ О том, что «один и тот же криминологический факт интерпретируется в различных контекстах и имеет неодинаковый смысл», говорил в начале 80-х гг. Л. И. Спиридонов. — Спиридонов Л. И. Криминологический факт и его оценка // Криминология и уголовная политика : материалы симпозиума, 1983 г. / Акад. наук СССР, Ин-т государства и права ; редкол.: С. Г. Келина [и др.] ; предисл. В. Н. Кудрявцева. М., 1985. С. 19—22 (другое издание этой же работы см.: Спиридонов Л. И. Избранные произведения... С. 361—364).

² Никифоров А. Л. Указ. соч. С. 166—167.

³ Социологами науки было подсчитано, что ученые проверяют свои гипотезы в среднем 2,5 опыта, считая, что этого достаточно для обоснования вывода. — Mahoney M. J. *Scientifics as subjects: The psychological imperative*. Cambridge, 1976. Не случайно К. Поппер отказался от критерия верификации как критерия научности теории в пользу ее фальсификации, утверждая, что любая теория неизбежно будет опровергнута новой теорией. Неопровержимыми же являются метафизические концепции. — Поппер К. *Логика и рост научного знания*. М., 1983. 504 с.

кую интерпретацию, которые оставляли бы в неприкосновенности любой научный и идеологический постулат»¹. Проблема-тичность эмпирической проверяемости юридической теории вообще и теории государства и права в частности, тем не менее, не отрицает необходимости таковой и превращения юриспруденции в «науку о духе», или «идеальных сущностях»². На этом, например, настаивает Б. Лайтер, утверждая: «С моей точки зрения, философы права ведут ошибочный спор о методологии юриспруденции: в действительности правовая философия с очевидностью является описательной точно так же, как важная описательная составляющая присуща большинству других направлений практической философии. Главная проблема, связанная с юриспруденцией, заключается не в том, что она является описательной — конечно, она описательна (или стремится быть таковой), — но, скорее, в том, что она базируется на двух центральных приемах обоснования — анализе понятий и обращениях к интуиции, которые являются несостоятельными с эпистемологической точки зрения»³.

Изложенную проблему практической проверяемости научной теории можно продемонстрировать на примере применения общеправовой теории на практике. Только проходя сквозь «фильтры» законодательства, правоприменения и правосознания правоприменителей и «обывателей» (и, конечно, искажаясь), соответствующая общеправовая теория воплощается в правопорядке. При этом следует иметь в виду, что эффект от ее воздействия на правопорядок практически (и теоретически) не поддается расчету, если не «заключать в скобки» многие существенные факторы. Например, конечным результатом применения криминологической теории должно стать снижение преступности. Однако на снижение преступности влияет не только

---

¹ Пермяков Ю. Е. Указ. соч. С. 133.

² Невозможно согласиться с категоричностью следующего пассажа Ю. Е. Пермякова: «Если эмпирическим опытом считать лишь чувственный опыт, который порождается взаимодействием внешних тел, юридическая наука и даже право не сохраняют никаких шансов на свою причастность эмпирической реальности, которая в таком случае целиком уплывает в умопостижимую область, становясь неким трансцендентальным понятием». — Там же.

³ Лайтер Б. За пределами спора Харта и Дворкина: проблема методологии юриспруденции // Российский ежегодник теории права. 2009. № 2. С. 143—144.

и не столько принятие, например, нового УК или специальные предупредительные меры (допустим, регистрация или дактило-скопирование всех приезжающих в страну лиц), но и деятельность полиции, судебной системы, а также экономическая ситуация в стране, рост (или падение) демографических показателей и т. д. Любой социальный фактор в той или иной степени влияет на состояние преступности, и не только социальный: известно, что солнечная активность оказывает значительное воздействие на лиц с неустойчивой психикой. Таким образом, даже отказавшись от корреспондентской теории истины (как это сделал, например, Р. Рорти) в пользу ее инструментальной или прагматистской версии, обосновать научность теории на основе ее только практической проверяемости невозможно.

Сторонников логического позитивизма также ожидал неожиданный «сюрприз»: теоремы неполноты К. Геделя в начале 30-х гг. XX в. доказали нереализуемость их программы. Оказалось, что даже формальную арифметику невозможно обосновать ее собственными средствами. Для этого требуется метаязык (метасистема), с позиций которого возможна эта процедура. Но для обоснования метаязыка требуется мета-метаязык... Все это — регрессия в «дурную бесконечность», с чем, кстати, столкнулся и Г. Кельзен (при обосновании *Grundnorm*). На ограниченность логики применительно к социальной деятельности (в том числе и юридической) обращали внимание Г. фон Вригт, К. Гемпель, У. Дрей и др. Благодаря идеям этих философов в науку прочно вошло разграничение естественно-научного объяснения и объяснения интенционального, характерного для общественных наук¹. Нельзя не обратить внимание также и на тот факт, что норма права — центральный элемент правовой реальности и юридической науки, включая, конечно, и теорию государства и права, — не может быть объяснена с помощью формальной логики². С другой стороны, истинность ло-

---

¹ Никифоров А. Л. Указ. соч. С. 182—189.

² Невозможность логически вывести модальные суждения (возможно, должно, запрещено) из дескриптивных (описательных) суждений именуется «парадоксом Юма». В XX в. эта проблема связана с именем А. Росса. — Ross A. Imperatives and Logic // *Theory*. 1941. Vol. 7. Это, впрочем, не исключает возможности научного обоснования нормы права, на чем настаивает Ю. Е. Пермяков. — Пермяков Ю. Е. Указ. соч. С. 152—153.

гического вывода отнюдь не свидетельствует об истинности посылок, из которых этот вывод сделан. Поэтому логика как минимум является ограниченным критерием научности.

На то, что логика занимает весьма ограниченное место в юриспруденции, указывали в 30-е гг. XX в. «реалисты» США (К. Левеллин, О. Холмс, Д. Фрэнк)¹. Сегодня эту позицию достаточно обстоятельно аргументируют представители постмодернистской юриспруденции США Р. Познер и П. Шлаг².

Все это привело к тому, что в 60-х гг. XX в. возникла новая модель науки — постпозитивистская, некумулятивная и, соответственно, изменились критерии научности³. Т. Кун, С. Тулмин, П. Фейерабенд и др. сторонники этого подхода подвергли сомнению прежде всего поступательность развития науки, когда к «старым истинам» добавляются новые, открытые недавно. Для них же научное открытие — это всегда отрицание старого, опровержение, а не добавление. Поэтому история идей с точки зрения постпозитивизма (например, К. Поппера) — это история заблуждений.

Таким образом, вышеизложенное вынуждает констатировать, что классические критерии научности в ограниченном объеме применимы к теории государства и права. Сегодня их дополняют постклассические критерии научности.

---

¹ Т. Бендит отмечает, что для О. Холмса бытие права — это не догмы, логические построения и теории, а практика, опыт, на который гораздо большее влияние оказывают господствующая в обществе мораль и институты публичной власти. — Benditt Th. *Law as rule and principal: Problems of legal philosophy*. Stanford, 1978.

² Posner R. A. *The Problems of Jurisprudence*. Chicago, 1990 ; Posner R. A. *How Judges Think* Cambridge, 2008 ; Schlag P. *Missing Pieces: A Cognitive Approach to Law* // *Texas Law Review*. 1989. № 67. P. 1195.

³ В. Г. Графский предпочитает говорить о «стандартах» научности, которые, по его мнению, «можно представить в двух измерениях: как *концепт знания* о научном творчестве в его фиксированном результате и как своего рода *канон знания*». — Графский В. Г. Точку ставить рано: вместо заключения // *Стандарты научности...* С. 154—155. Представляется, что терминологически идеалы, стандарты и критерии научности можно рассматривать как синонимы. В этой связи справедливо замечание И. Д. Невважай, что «критерии научности есть признаки, которыми мы оцениваем знание и деятельность. Стандарт научности — это образец, на который ориентируются науки. Стандарт определяется наличием соответствующих признаков». — Невважай И. Д. Указ. соч. С. 126.

1.5.2. Постклассические критерии научности юридической теории

Неопозитивистская программа была подвергнута резкой и во многом обоснованной критике также со стороны постструктуралистов и постмодернистов. Работы Ж. Бодрийяра, Ж. Деррида, Ж.-Ф. Лиотара и др. показали, что между знаком и означаемым нет однозначной связи. Знак — не более чем конвенция, которая не выражает означаемое, а напротив, создает его¹.

Право вполне оправданно можно рассматривать как систему знаков, отсылающих через значение и смысл к референту — некой реальности². Этой реальностью, как представляется, выступает правопорядок — фактические взаимодействия людей, наделенные «правовым смыслом». Значение как содержательная характеристика понятия права как знака включает два момента: имманентный — признание необходимости совершать определенные действия (в силу привычки, ритуала, целесообразности и т. д.), и трансцендентный — это такое поведение, которое эффективно служит целостности общества, обеспечивает его нормальное функционирование. Однако связь принципов права и даже отдельных норм с фактическим массовым поведением неоднозначна прежде всего в силу амбивалентности социального (например, наличия как явных, так и латентных последствий любого социально значимого действия). Декартово-лапласовская уверенность в калькуляции социальной реальности, производимая по образцу естествознания, оказалась утопией³. Постоянная изменчивость, субъективность социальной реальности, когда действие соотносится не только с прогнозируемым (всегда вероятно) результатом, но и ценностями и мотивами

---

¹ Эволюция знака, по мнению Ж. Бодрийяра, включает в себя четыре этапа: первый — знак как зеркальный образ реальности, второй — как извращение ее, третий — как маскировка отсутствия реальности, четвертый — как симулякр, копия без оригинала, существующая сама по себе, без какого бы то ни было соотношения с реальностью. — Bodrillard J. Simulations. N. Y., 1983.

² Отношение знак — значение, смысл — референт трактуется в литературе по-разному. См.: Агацци Э. Указ. соч. С. 241—242.

³ Как известно, «демон Лапласа» состоит в том, что пока субъект описывает реальность, она успевает значительно измениться, поэтому приходится ее описывать снова и снова, и этот процесс никогда невозможно завершить полным описанием.

актора, доказала несостоятельность позитивистской (в том числе структуралистской) программы построения социального (и юридического) знания. В связи с этим в современном науковедении стали утверждаться конвенциональный и коммуникативный критерии научности.

Конвенциональность как главный на сегодняшний день критерий научности вытекает из онтологической и гносеологической конвенциональности: социальные нормы, в отличие от законов природы, суть соглашения (хотя и произвольные)¹, и их познание всегда обусловлено историческим и социокультурным контекстом, а потому является относительным², а также неустранимости философского (метафизического — неверифицируемого) компонента из научного знания. **Коммуникативный критерий**, выступающий содержанием конвенции экспертного научного сообщества, постулирует процессуальность и риторические, дискурсивные приемы обоснования научной точки зрения. Отсюда вполне справедливо утверждение, что в гуманитарных науках «господствуют часто не строго определяемые логические понятия, а именно концепты, выражающие скорее интуитивно, нежели логически, схватываемые смыслы»³. Поэтому **позитивистский эталон научности в принципе не может быть реализован в любой науке, в том числе в юриспруденции. Не существует абсолютных критериев научности, они относительны и зависят от исторической эпохи и социокультурных особенностей того или иного социума**⁴.

---

¹ Искусственность социальных норм состоит не в том, что они произвольно сконструированы, а в том, что люди их измеряют и оценивают и тем самым несут за них моральную ответственность, т. е. «искусственность ни в коей мере не влечет за собой полный произвол». — Поппер К. Открытое общество ... Т. 1. С. 99.

² Такую точку зрения активно развивает Л. А. Микешина. — Микешина Л. А. Философия познания. Poleмические главы. М., 2002. С. 20 и след.; Ее же. Конвенции как следствие коммуникативной природы познания // Субъект, познание, деятельность : к 70-летию В. А. Лекторского / редкол.: И. Т. Касавин (отв. ред. и сост.) [и др.]. М., 2002. С. 507—533.

³ Микешина Л. А. Указ. соч. С. 23. В другом месте она пишет: «...гуманитарное знание оперирует понятием “теория” в широком смысле, как некоторой концепцией, совокупностью взглядов мыслителя, некоторой системой высказываний, не связанных жесткой дедуктивной последовательностью». — Там же. С. 32.

⁴ Гудков Л. Д. Указ. соч. С. 12.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что практическая (фактическая) проверяемость и логика являются ограниченными критериями научности. Их нельзя полностью сбрасывать со счетов, но и абсолютизировать не стоит. Им на смену приходит (или уже пришел) *конвенциональный критерий научности*, выражающий соглашение научного сообщества о том, что считать эпистемологическим эталоном. Этот критерий основан на научных традициях, опыте других стран, относительной практической проверяемости и логической обоснованности и гораздо более консервативен, чем, может быть, кажется. Научное сообщество скорее не пропустит в пантеон наук новую, экстраординарную концепцию, чем даст ей право на официальное существование. В то же время нельзя забывать и о *трансцендентном* (точнее, трансцендентальном) *критерии научности*, выражающемся в конечной результативности научной деятельности — самосохранении общества. Очевидно, что наука (юридическая в том числе) призвана оказывать воздействие на социум. Нормальное функционирование, поддержание целостности социального организма (в нашем случае — приемлемого правопорядка), а тем более его развитие (если признаются релевантные критерии развития) — показатель научности тех концепций, которые применяются на практике (при этом, конечно, следует иметь в виду, что этот конечный результат зависит не только от научной деятельности, но и от всех иных социальных и природных факторов).

Сохраняются ли в ситуации «постклассики» такие критерии научности, как объективность, универсальность, достоверность, истинность знания? Дабы не впасть в неумеренный радикализм и не призывать к их «сбрасыванию с корабля истории», следует еще раз заметить, что критерии классической науки наполняются другим значением, принципиально отличающимся от традиционного. Другими словами, можно сохранить старые названия, но в новом контексте их содержание значительно иное по сравнению с «классическим»¹.

---

¹ См., напр.: Антонов М. В. О принципах научности и развитии правовой теории // Стандарты научности ... С. 148—153. Если критерии научности контекстуальны, исторически изменчивы, то как можно изучать значительно трансформировавшуюся правовую реальность старыми «классическими» методами и насколько такое исследование будет адекватным? В этом противоречивость позиции молодого ученого.

Объективность научного знания становится интерсубъективной¹, ментальной конструкцией. Объективно сегодня то, что приобрело значение объективного в общественном сознании². В основе так понимаемой объективности лежит конструктивистская деятельность референтной группы по формированию ментальных (социальных) представлений и соответствующих «воображаемых сообществ» (по терминологии Б. Андерсона)³. Но будучи сформированным, социальное представление (докса) существует *как* (или *как бы*) независимая от воли и желания отдельно взятых индивидов. Требуются серьезные усилия по изменению или ликвидации (устранению) таких правовых явлений (чаще всего — институтов), которые одновременно являются научными понятиями. Тем самым правовое явление (институт) существует неразрывно с социальным представлением о нем, зачастую приобретающим понятийную форму.

Универсальность в условиях постклассического науковедения вытесняется контекстуальностью (как исторической, так и

---

¹ «Наиболее распространенный смысл объективности, несомненно, тот, который отождествляет ее с интерсубъективностью», — заявляет Э. Агацци. — Агацци Э. Указ. соч. С. 102. При этом интерсубъективность он связывает с публичным научным дискурсом. — Там же. С. 103, 172, 173.

² Такое переформулирование классического объективизма (или натурализма, по Л. Д. Гудкову) как «соответствие Природе» или вещам и предметам, сомневаться в самоочевидности которых не приходится (Гудков Л. Д. Указ. соч. С. 319, 322), производится оригинальной теорией, постсовременной натуралистической философией или спекулятивным реализмом. К. Мейясу, один из лидеров этого направления, формулирует «принцип корреляционизма», «согласно которому мы можем иметь доступ только к корреляции между мышлением и бытием, но никогда к чему-то одному из них в отдельности». — Мейясу К. После конечности. Эссе о необходимости контингентности / пер. Л. Медведевой. Екатеринбург ; Москва, 2015. С. 11. Отсюда, по его мнению, «следует отказаться от закона достаточного основания, заменить его на свою противоположность, которую мы в названии данной работы обозначили в качестве принципа неоснования, а также контингентность: факт бытия какой-либо вещи в мире свидетельствует также о ее возможности быть какой-либо иной». — Там же. С. 53. Обсуждение теории К. Мейясу см.: Шаталов-Давыдов Д. Ю. Принцип неоснования и перспективы отказа от корреляционизма // Эпистемология сегодня. Идеи, проблемы, дискуссии : монография / И. Т. Касавин, Д. А. Алексеева, А. А. Аргамакова [и др.] ; под ред. И. Т. Касавина, Н. Н. Ворониной. Н. Новгород, 2018. С. 67—73.

³ Anderson B. Imagined Communities. Reflections on the origin and spread of Nationalism. N. Y., 1991.

социокультурной). На статус универсального может претендовать только самая «голая» (поэтому бессодержательная) абстракция — идея необходимости нормативного регулирования общественных отношений и его восприятия в общественном сознании. Конкретное же содержание того, как именно следует регулировать общественные отношения, какую меру свободы задавать, проводя границу между свободой и принуждением, всегда исторически и социокультурно контекстуально и релятивно — зависит от того социума, в котором производится правовое регулирование, от его культуры, расстановки политических сил, влияния иных культур и т. п.

Достоверность научного знания сегодня не может быть полной, окончательной. О достоверности можно говорить лишь применительно к определенному контексту и с некоторой долей вероятности. Граница между наукой и иными формами культуры стирается, пролиферируется. Возможно, именно поэтому наука утратила свой привилегированный социальный статус в современном мире.

Истина, о чем уже шла речь выше, трансформируется от корреспондентской теории (соответствие знака референту) к когерентной (соответствие знака другим знакам) и к коммуникативной (значение знака как общезначимого в научном дискурсе)¹ или прагматической (истинность знака — это вера в его эффективность)².

А. Я. Гуревич уже в 1973 г. писал: «Человеческие истины всегда и неизбежно антропологичны. Помещаясь в человеческих головах, владея живыми сердцами, истина, направляющая людей на те или иные поступки, не может не окрашиваться эмоциями, целевыми установками и даже эстетическими тонами.

---

¹ Apel K.-O. Diskurs und Verantwortung. Frankfurt am Main, 1988 ; Habermas J. Theorie des kommunikativen Handelns. Bd. 1, 2. Frankfurt am Main, 1981.

² Один из наиболее радикальных вариантов критики репрезентатизма (и корреспондентской теории истины) принадлежит Р. Рорти, который вслед за У. Джеймсом и Д. Дьюи предложил заменить понятие «истина» как соответствие объективному положению вещей в природе тем, во что лучше (полезнее) верить («лучшая идея, которую мы принимаем для объяснения происходящего»), и вообще отказаться от теории познания в пользу теории полезности. — Rorty R. Philosophy and the Mirror of Nature. Princeton (N. J.), 1979 ; Его же. Случайность, ирония и солидарность / пер. с англ. И. Хестановой, Р. Хестанова. М., 1996. 279 с. (Пирамида. Библиотека журнала «Логос»).

И незачем рыдать над утратой ею “химически чистой” нейтральности, которой она никогда не обладала! Для того чтобы служить людям, истина, наука должны подышать их воздухом, пропитаться их стремлениями и страстями. Худо, когда наука превращается в проститутку, но слепая девственность, страшаясь всего земного, — бесплодна»¹. Все это свидетельствует о том, что классическое понятие истины нуждается в серьезной корректировке в связи с теми изменениями, которые происходят в постклассической науке.

Таким образом, во второй половине XX в. произошли принципиально важные изменения в эпистемологии, благодаря которым классические критерии научности трансформируются в постклассические. Можно согласиться с А. П. Огурцовым о том, что тенденции в философии конца XX в. «привели: а) к трансформации способов существования и статуса норм (и этических, и логико-методологических), которые из всеобщих, необходимо истинных и облигативных предписаний стали пониматься как правдоподобные, прецедентные, используемые по аналогии и в той или иной степени вероятные по своему статусу способы достижения общего решения; б) к радикальному сдвигу в трактовке критериев знания: вместо поиска истины — определение правдоподобности, вместо дедуктивного вывода — логика аргументации, вместо гомогенного трансцендентального Субъекта — коммуникативное сообщество. Этот поворот в философии можно назвать коммуникативным, и он связан с анализом возможностей и условий коммуникаций как внутри языкового сообщества, так и внутри научного сообщества»². В другом месте он пишет: «*Коммуникативный поворот в философии вообще и в философии науки в частности* привел к поискам согласованного дисциплинарного поля на основе “фамильного сходства” дискурсов данного дисциплинарного поля на основе различных дискурсивных практик; к замещению истины — правдоподобием; теоретического ядра исследовательских программ — убеждениями (*belief*), признанными научным сообществом; согласованных усилий научного сообщества — достижением консенсуса; логики научного исследования — ситуацион-

---

¹ Гуревич А. Я. Указ. соч. С. 184.

² Огурцов А. П. Этнос науки и поворот к коммуникативной рациональности // Огурцов А. П. Философия науки ... Ч. 2. С. 370.

ными исследованиями. Научное знание предстает как разновидность убеждений, которые являются частью более широкого поля убеждений данного общества.

Коммуникативный поворот в философии завершается обращением к средствам *неориторики* в анализе научного знания, причем она оказывается определенным видом аргументации своих убеждений и отстаивания их в научных дискуссиях и спорах, разновидностью или «языковых игр», или нарративов»¹.

Коммуникативный «поворот» в эпистемологии наиболее последовательно представлен теорией глобального дискурса К.-О. Аппеля и Ю. Хабермаса. Для них дискурсивная рациональность, которую вполне оправданно полагать главным на сегодняшний день критерием научности, предстает как делиберативное интересубъективное понимание и признание в рамках идеального коммуникативного сообщества². К.-О. Аппель формулирует принципы, или правила, аргументативного дискурса, которые можно считать синонимичными критериям научности: 1) правило воздержания от применения неаргументированных высказываний в ходе процесса аргументации; 2) правило контрафактической антиципации идеального аргументативного сообщества (требование выдвигать такие аргументы, которые были бы приняты коммуникативным сообществом, и требование способствовать установлению структур и правил идеального аргументативного сообщества в реальности); 3) требование признания других равноправными участниками аргументации в том случае, если они сами соблюдают правила аргументации; 4) требование прилагать необходимые усилия для расширения горизонта понимания своих аргументов другими участниками аргументации, способствуя тем самым реализации в реальном коммуникативном сообществе оснований общественности³.

---

¹ Огурцов А. П. Философия науки XX века и историография науки: основная линия и новые тенденции в их взаимоотношениях // Огурцов А. П. Философия науки ... С. 196.

² К.-О. Аппель полагал, что кантовский вопрос об условиях возможности и значимости научного познания сегодня стал вопросом о возможности интересубъективного взаимопонимания. — Appel K.-O. Transformation der Philosophie. Bd. 2. Frankfurt am Main, 1973. № 4. 173.

³ Appel K.-O. Die Erklären-Verstehen-Kontroverse in transzendentalpragmatischer Sicht. Frankfurt am Main, 1979. S. 112.

Ю. Хабермас, проводя аналогию между процедурами поиска истины и притязания социальных норм на значимость¹, использует выработанные в юриспруденции, в частности Р. Алекси, правила логико-семантического дискурса для анализа «идеальной языковой ситуации», в которой возможно достижение согласия относительно истины. Такими правилами являются:

- (1.1) Ни один говорящий не должен противоречить себе.
(1.2) Каждый говорящий, применяющий предикат F к предмету a, должен быть готов применить предикат F к любому другому предмету, который во всех релевантных отношениях равен a.
(1.3) Разные говорящие не должны использовать одно и то же выражение, придавая ему различные значения. (2.1) Каждый говорящий может говорить только то, во что он сам верит.
(2.2) Тот, кто прибегает к высказыванию или норме, не относящимся к предмету дискуссии, должен привести основание для этого. (3.1) Каждый владеющий языком и дееспособный субъект может принять участие в дискурсе. (3.2) а. Каждый может ставить под вопрос любое утверждение. б. Каждый может вводить в дискурс любое утверждение. в. Каждый может выражать свои установки, желания и потребности. (3.3) Никакое принуждение, господствующее вне или внутри дискурса, не должно мешать никому из говорящих реализовать свои права, определенные в пунктах (3.1) и (3.2)².

Таким образом, коммуникативный поворот, как справедливо полагает А. П. Огурцов, повлек за собой «ослабление» жесткой парадигмы доказательного знания, но и расширение способов доказательства, включение в «поле доказательства» тех форм аргументации, которые не принимались в качестве доказательных процедур. В область аргументированного

---

¹ «В случае, когда процессы взаимопонимания идут в эксплицитной языковой форме, акторы, разговаривая о чем-либо друг с другом, своими речевыми действиями выдвигают притязания на значимость, а именно притязания на истинность, на правильность и на правдивость своих высказываний, смотря по тому, ссылаются ли они на что-либо в объективном мире (как совокупности существующих обстоятельств вещей), на что-либо в общем для них социальном мире (как совокупности регулируемых законом межличностных отношений в какой-либо социальной группе) или на что-либо в собственном субъективном мире (как совокупности переживаний, к которым у них имеется привилегированный доступ». — Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб., 2000. С. 91—92.

² Там же. С. 137—140.

знания оказались включены те формы знания, которые не релевантны дедуктивно выводному знанию и которые связаны с судебной практикой, с защитой своей позиции и критикой своих оппонентов на гражданско-политических форумах и др.»¹. В то же время приходится признать, что коммуникативная стратегия фиксирует внимание на институционализации научного знания (оно должно пройти процедуру делиберации — всестороннего обсуждения), но не на его производстве. Тут, полагаем, уместна «прививка» со стороны социальной эпистемологии, постструктурализма или фукольдианской теории власти-знания.

Подводя итог рассмотрению данного вопроса, можно констатировать, что в условиях постклассического науковедения кардинально изменились (изменяются) критерии научности, в том числе юридической теории. Чтобы претендовать на статус научной, юридическая теория должна учитывать многомерность права, его сконструированность референтной группой и постоянное воспроизведение ментальными образами и действиями широких народных масс, относительность, т. е. обусловленность применительно к социальному целому и другим социальным явлениям, и принципиальную незавершенность, неполноту (а значит — антидогматичность) нашего знания о правовой реальности. При этом позволительно говорить об intersubъективной, ментальной объективности знания о праве, универсальности как необходимости этого знания самого по себе (как и права), о коммуникативной истине этого знания, контекстуальная и вероятностная достоверность которого обретается в качестве общезначимости в предельно широком социально-научном дискурсе о праве.

---

¹ Огурцов А. П. Этнос науки ... С. 392.

2. МЕТОДИКА ПРОВЕДЕНИЯ НАУЧНОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

2.1. Требования, предъявляемые к конкретному научному юридическому исследованию

К любому научному исследованию, независимо от того, в какой области (сфере) оно проводится, предъявляются требования, которыми оно должно отвечать. Такие требования уместно именовать эпистемологическими, так как они определяют содержание любого научного исследования, в том числе в области права. Эти требования сформированы консенсуальным соглашением научного сообщества в ходе эволюции эпистемологии. Науковедение новейшего времени Запада, распространяя свое влияние на весь остальной мир и убеждая в универсальности требований, в качестве таковых считает научную новизну, теоретическую и/или практическую значимость, самостоятельность (отсутствие плагиата) и апробированность (т. е. доступность для изучения и критики).

Эти требования закреплены в отечественных нормативных правовых актах и потому носят формально-юридический характер. Так, Постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842 (в ред. от 25 января 2024 г.) утверждено Положение о присуждении ученых степеней (далее — Положение), в п. 9 которого сформулированы критерии, которым должны отвечать диссертации на соискание ученых степеней¹. В формулировках Положения можно выделить главное требование, предъявляемое к научному исследованию, — требование научной новизны. Следовательно, научная

---

¹ Эти требования воспроизводятся в Методических рекомендациях по подготовке, принятию и защите диссертации на соискание ученой степени кандидата и доктора юридических наук. — Методические рекомендации по подготовке, принятию и защите диссертации на соискание ученой степени кандидата и доктора юридических наук / Акад. Генеральной прокуратуры Российской Федерации ; под общ. ред. О. С. Капинус. М., 2012. 64 с.

новизна прежде всего предполагает приоритетность (хотя бы в некоторых компонентах) представленного исследования перед другими работами.

Научную новизну в конкретном юридическом исследовании можно подразделить на новизну эмпирическую и теоретическую (некоторые авторы добавляют «метатеоретическую новизну», которая в большей степени относится к философскому уровню научного знания и к диссертациям на соискание докторской степени). Эмпирическую новизну юридических исследований составляют «описания и оценки впервые вводимых в науку единичных, обобщенных или статистических фактов, корреляционных связей или классификаций»¹. Благодаря этому в юридическую науку вводятся новые эмпирические данные, которые затем могут быть использованы для догматических, сравнительно-правовых, исторических, теоретических и метатеоретических исследований. Новизна теоретического типа в юриспруденции характеризуется совершенствованием понятийного аппарата, иногда — принципов и закономерностей правовой реальности. Последние, как полагает В. М. Сырых, претендуют на «создание новой теории, которая позволяет с принципиально иных теоретических и методологических позиций подойти к изучению явлений и процессов, составлявших объект науки, и дать им, как представляется авторам теории, более глубокое и точное объяснение, приблизиться к знанию действительных закономерностей развития предмета правовой науки»².

Научное достижение или решение значимой научной проблемы выражается в значительном приращении теоретических знаний, существенном обогащении основ правовой науки. Примерами подобных результатов могут выступать: обоснование необходимости применения в правовой науке какого-либо нового метода научного познания, который позволит значительно расширить возможности в познании предмета правовой науки, вывести ее «на новые горизонты»; исследование какой-либо новой фундаментальной проблемы юриспруденции; обоснование правомерности образования новой юридической науки или отрасли права, новых методов систематизации правовой науки или системы права; решение какой-либо дискуссионной фундамен-

---

¹ Сырых В. М. История и методология юридической науки : учебник. М., 2012. С. 245.

² Там же.

тальной проблемы правовой науки, существующей уже длительное время и не находящей надлежащего научного обоснования; исследование основ отраслевой юридической науки, в том числе ее предмета, методов научного познания и метода правового регулирования¹.

Другим универсальным требованием является самостоятельность выполнения исследования, что сформулировано в п. 10 Положения, а также опубликование в рецензируемых научных изданиях основных научных результатов (п. 11 Положения).

Студенту, читающему эти строки, не стоит сразу хвататься за голову и выносить скоропалительное суждение, что занятие наукой — не для меня. Любой студент в состоянии написать серьезную научную работу. Критерии научного исследования для студентов не столь «суровы», как для претендентов на соискание ученых степеней. Для студента достаточно продемонстрировать *элементы* научной новизны, теоретической и практической значимости, т. е. творческий подход к раскрытию актуальной темы. Элементы эмпирической новизны (и практической значимости) будут представлены в работе, в которой приводятся интересные, важные для данной темы исследования факты. Это могут быть уже опубликованные результаты социологических исследований, которые уместно привести, хотя студент может и сам провести небольшое социологическое эмпирическое исследование, например анкетирование, интервьюирование, экспертный опрос. При этом важно дать оценку (интерпретацию) этих данных, так как они станут научными фактами только после их теоретической обработки (обобщения, осмысления, сопоставления с существующими теориями). Теоретическое осмысление включает возможность использования этих данных в юридической практике, т. е. демонстрацию практической значимости работы.

Теоретическая новизна, соответственно, теоретическая значимость, предполагает критику и уточнение научных понятий, относящихся к данной теме. Если студент обнаружил теоретический научный спор, описал существующие подходы и привел теоретические аргументы в пользу одной из приведенных точек зрения, это уже можно квалифицировать как элемент теоретической новизны и значимости.

---

¹ Там же. С. 257—258.

Это же относится и к теоретико-догматической значимости студенческих исследований. Речь идет о критике законодательства. К законодательству всегда надо относиться критично, чтобы вовремя обнаруживать его недостатки. Любой, даже самый совершенный, как представляется сегодня, нормативный правовой материал всегда когда-то устаревает. Поэтому научно обоснованная критика необходима. На ее основе дается оценка (интерпретация) законодательства и формулируются предложения по его совершенствованию. Это, конечно, очень важная и сложная задача. Однако даже студенческая научная работа должна быть ориентирована на решение такой задачи.

Для реализации изложенных требований, предъявляемых к конкретному научному юридическому исследованию, принципиально важно четко определить его — исследования — программу (развернутый план).

2.2. План (развернутая программа) конкретного научного юридического исследования

Перед проведением конкретного научного исследования в области юриспруденции, как правило, составляется его план, который предполагает определение *темы* научного исследования. В свою очередь, этому предшествует наличие не просто интереса к тому, чтобы провести исследование, но интереса именно к той предметной области, в которой оно будет проводиться. Одновременно исследователь должен определиться с *видом работы*: это может быть научная статья, реферат, курсовая работа, эссе, монография, учебное пособие и др. Затем формулируется *название*, например, научной статьи, определяется структура научного исследования. Заметим, что по ходу работы название или *структура* могут корректироваться. Всему этому предшествует чтение научной литературы по данной теме и ее осмысление, консультации с научным руководителем, коллегами, сбор эмпирического материала.

Простой, или «свернутый», план конкретного научного юридического исследования, достаточный, например, для научной статьи или курсовой работы, включает определение того, что именно должно быть исследовано, как, какими методами, какие результаты предполагается получить. Это не что иное, как определение (конструирование) предмета исследования, выбор методов, формулирование рабочих гипотез. Такой теоретический

план конкретизируется в организационных и тактических моментах; например сроков окончания работы, где именно проводить эмпирическое исследование и т. п.

Развернутая программа конкретного научного юридического исследования уточняет и расширяет простой план. Она начинается с формулировки **проблемы**, которая побуждает автора проводить именно такое исследование (в такой сфере, с использованием таких методов, предположительно должно привести к таким-то результатам). Формулировка проблемы призвана продемонстрировать актуальность конкретного научного юридического исследования.

Как отмечает В. М. Сырых, «проблемы юридической науки признаются актуальными в *научном теоретическом* плане, если их решение окажет положительное воздействие на развитие соответствующей отрасли правовой науки или правоведения в целом: позволит ликвидировать пробел, превратить гипотезу в обоснованное научное знание, дать теоретическую и (или) методологическую основу для решения других проблем науки, открыть новые перспективные направления научных исследований. Проблемы юридической науки признаются актуальными в *практическом* плане, если с ними напрямую связывается решение каких-либо злободневных вопросов правового регулирования общественных отношений, политико-правовой практики, совершенствование деятельности органов государства»¹.

Как правило, **теоретическая актуальность** проблемы выражается в отсутствии единства мнений в юридической теории по изучаемому вопросу, недостаточной четкости (по мнению исследователя) понятийного аппарата, в несоответствии теории социальной практике. Проблематичность практического плана как правило связывается с недостаточной эффективностью правового регулирования соответствующих общественных отношений, пробельностью законодательства или недостатками правоприменительной практики.

В подтверждение **актуальности избранной темы научного юридического исследования чаще всего необходимо указать: социальное значение исследуемой проблемы, юридический аспект (недостатки правового регулирования), научный аспект (недостаточность теоретической разработанности темы в соответствующей науке)**. Социальное значение темы

---

¹ Там же. С. 222.

конкретного юридического научного исследования можно продемонстрировать апелляцией к статистическим данным, свидетельствующим о важности и значимости проблемы, отсылкой к авторитетным высказываниям на этот счет (политическим, моральным, научным), тенденциям (например, негативным) в социальной жизни.

Юридический аспект — следует показать актуальность темы с формально-юридической точки зрения. Он может состоять в выявленных автором пробелах (хотя это встречается не часто) законодательства, в конфликте норм права, в неточности или недостаточной четкости формулировок в статьях нормативных правовых актов. Если недостатки в законодательстве не выявлены, то формально-юридическая актуальность может быть обнаружена в проблемах правоприменения. Таковые выявляются с помощью измерения его — правоприменения — эффективности. Это могут быть отрицательные показатели соотношения цели и результата, экспертных оценок, опроса практиков или общественного мнения.

Научный аспект актуальности предполагает выявление спорных, дискуссионных или нерешенных теоретических (как правило, хотя это могут быть и эмпирические проблемы) положений. Такого рода споры могут касаться как фундаментальных (для данной науки), так и прикладных аспектов. В любой юридической науке, на ее «переднем крае», всегда дискутируются важные научные проблемы, с которыми можно ознакомиться при чтении серьезной научной литературы.

Другим разделом развернутого плана конкретного научного юридического исследования является *обзор научной литературы* по данной теме. Автор научного исследования прежде всего должен выяснить, насколько обстоятельно данная тема освещается в научной литературе. Затем определить те научные труды, которые необходимо освоить: прочитать и осмыслить.

После изучения литературы (или параллельно) следует сформулировать *объект* и *предмет* исследования. Отличие между ними состоит в том, что объект всегда шире предмета и выступает господствующим в обществе социальным представлением о реальности. Предмет же научного исследования — это выделяемая автором сторона объекта, на которой он акцентирует основное внимание.

После формулирования объекта и предмета научного исследования (или вместе) автор должен определить его *цель* и *задачи*. Цель научного исследования представляет собой конечный результат его проведения, т. е. то, что автор научного произведения планировал получить. Цель исследования не может состоять в исследовании, анализе (это метод), рассмотрении и т. п., но выражается в получении каких-либо теоретических выводов и практических рекомендаций, разработке чего-то нового в теории, науке и практике. Также не рекомендуется формулировать цель исследования через решение научной задачи (научной проблемы).

Таким образом, для достижения цели автор ставит задачи — конкретные императивы, отвечающие на вопрос, что нужно сделать для того, чтобы цель была достигнута. В каждом параграфе, как правило, решается одна задача.

Наиболее распространенными могут быть следующие формулировки: «выявить», «определить», «сформулировать», «обосновать», «разработать». Нецелесообразно ставить задачу «проанализировать», так как данная формулировка в качестве решения предполагает всего лишь применение общенаучного метода анализа, что само по себе не имеет никакой научно-практической ценности¹.

Следующая рубрика развернутого плана конкретного научного юридического исследования — формулировка ***нормативной его основы***. Кроме чисто теоретических работ, во всех остальных нормативная основа определяет тот законодательный материал, на анализе которого строятся выводы и делаются конкретные предложения. К нормативной основе относятся Конституция Российской Федерации, общепризнанные принципы и нормы международного права, законы, подзаконные (в том числе ведомственные) нормативные правовые акты, решения высших судов, имеющие прецедентный характер. Если автор проводит сравнительный анализ законодательства Российской Федерации и других стран, то нормативный материал этих государств тоже нужно указывать. Кроме того, к нормативной основе уместно отнести и другие формы внешнего выражения нормативности права, если они используются в работе, например правовые обычаи, локальные акты, правовая доктрина и др.

---

¹ Там же. С. 9—10.

Развернутый план конкретного юридического исследования включает также такую рубрику, как *теоретическая основа* работы. Она отчасти пересекается со степенью научной разработанности темы, но немного отличается от нее тем, что здесь следует указать авторов, в том числе из смежных областей знаний, которые определили теоретическую канву исследования. Это могут быть философы, социологи, экономисты и т. д., если их работы, например, сыграли важную роль в определении методологии исследования, заложили теоретический фундамент исследования данной темы.

Эмпирическая основа должна содержать упоминание о материалах прокурорской, судебной и иной правоприменительной практики, статистических данных, а также документах и источниках, не имеющих нормативно-правового характера.

Последние две рубрики развернутого плана конкретного научного юридического исследования — это его *теоретическая и практическая значимость*. *Теоретическая значимость* выявляется путем определения важности конкретных теоретических выводов, обладающих новизной, для правовой науки. Формулируется как возможность дальнейшего использования результатов исследования в конкретных отраслях знания.

Практическая значимость предполагает указание на возможность дальнейшего применения предложенных автором практических рекомендаций (содержащихся в приложениях проектов нормативных правовых актов, методических рекомендаций и т. п.)¹.

2.3. Оформление результатов конкретного научного юридического исследования

Права и обязанности студента во время прохождения практики

Студент вправе:

получать методическую помощь от научного руководителя практики;

находиться на практике в течение установленного времени;

обращаться к научному руководителю практики по вопросам прохождения практики.

---

¹ Там же. С. 12—13.

Студент обязан:

максимально использовать отведенное для практики время, полно и с высоким качеством выполнять все задания, предусмотренные программой практики;

соблюдать правила внутреннего трудового распорядка и иные нормативные правовые акты, определяющие порядок деятельности работников организации прокуратуры;

вести дневник практики, в котором ежедневно кратко записывать определенные сведения о проделанной работе в течение дня;

полностью выполнить программу практики;

перед окончанием практики получить по месту прохождения практики характеристику, подписанную заведующим кафедрой.

После прохождения практики студент обязан:

своевременно представить руководителю практики отчетные документы прохождения практики;

защитить отчет по практике.

По окончании производственной практики (научно-исследовательской практики) обучающийся представляет научному руководителю практики дневник, отчет, характеристику (готовится кафедрой), индивидуальное задание (готовится кафедрой), рабочий график (план) проведения производственной практики (научно-исследовательской практики) (готовится кафедрой) и результат практики — научное исследование.

Основными формами отчетности по практике устанавливаются дневник практики, письменный отчет и авторское научное исследование.

Дневник прохождения производственной практики (научно-исследовательской практики) предполагает детальное хронологическое описание действий обучающегося. Это документ, позволяющий оценить практическую деятельность обучающегося. Его заполнение обязательно в конце каждого рабочего дня с описанием всего объема выполненных заданий.

Дневник является одним из основных отчетных документов по практике. При его отсутствии практика не засчитывается.

В дневнике фиксируются:

место обучения с полным названием Института;

название практики, период ее прохождения;

информация о месте прохождения практики (название кафедры);

данные студента (фамилия, имя, отчество, курс и группа);

руководитель практики — заведующий кафедрой и научный руководитель — преподаватель;

основная часть, представленная в виде таблицы (дата выполнения, краткое содержание работ в течение каждого дня, подпись студента).

***Образцы оформления отчетных документов прохождения
производственной практики
(научно-исследовательской практики)***

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ КАЗЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

«УНИВЕРСИТЕТ ПРОКУРАТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)

Юридический факультет

Кафедра теории и истории государства и права

**ДНЕВНИК
прохождения производственной практики
(научно-исследовательской практики)**

Студента (ки) ____ группы ____ курса

_____
фамилия, имя, отчество

Научный руководитель практики

_____
фамилия, имя, отчество

Заведующий кафедрой

_____
фамилия, имя, отчество

Санкт-Петербург

202__ г.

сведения о научных источниках, нормативных правовых актах, методических рекомендациях и других документах, которые изучены студентом во время научно-исследовательской работы;

краткую характеристику выполненной работы;

приложения (портфолио — проекты документов, которые были подготовлены студентом за время прохождения практики: учебная и учебно-методическая документация, планы проведения лекций, семинаров, практических занятий и иные компоненты учебно-методических комплексов по юридическим дисциплинам).

Объем отчета должен быть до 3-х страниц стандартного текста (без приложений).

Отчет о прохождении практики с приложениями представляются научному руководителю практики для предварительной проверки.

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ КАЗЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

«УНИВЕРСИТЕТ ПРОКУРАТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)

Юридический факультет

Кафедра теории и истории государства и права

ОТЧЕТ

о производственной практике (научно-исследовательской практике)

Выполнил (а) студент (ка) _____ группы _____ курса

фамилия, имя, отчество

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ КАЗЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

«УНИВЕРСИТЕТ ПРОКУРАТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)

Юридический факультет

Кафедра теории и истории государства и права

НАУЧНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

по дисциплине «Производственная практика
(научно-исследовательская практика)

Тема: *«Указывается тема научного исследования»*

Дата поступления работы
на кафедру
«__» _____ 202_ г.

Выполнил (а) студент (ка)
_____ курса _____ группы

Регистрационный номер

_____ фамилия, имя, отчество

_____ подпись

Научный руководитель

_____ должность, ученая степень,

_____ ученое звание, классный чин,

_____ фамилия, имя, отчество

Санкт-Петербург

202_ г.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение

Библиографический список

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью ...

Степень научной разработанности темы исследования. В современной отечественной науке актуальные вопросы ... анализируют ... Отдельные вопросы, касающиеся истории развития ... рассматриваются в работах ... Так, ... исследует вопросы, связанные ...

Особо отметим вклад ...

Объектом исследования являются общественные отношения, возникающие ...

Предметом исследования выступают нормы ... правоприменительная практика (указать регион, период) ...

Цель исследования заключается ...

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **исследовательские задачи**:

1. Установить...
2. Сформулировать...
3. Проанализировать...

Методологической основой данной работы является системный подход к анализу объекта исследования и метод ...

В процессе исследования использованы общие и специальные методы познания. К специальным методам познания, применяемым в данном исследовании, относятся: логический, сравнительный, формально-правовой, исторический и др.

Нормативную базу научного исследования составили ...

Эмпирической базой исследования послужили материалы судебной практики, в частности ...

Библиографический список

<...>

Руководство производственной практикой (научно-исследовательской практикой) и контроль за ее прохождением возлагаются на научного руководителя. Научный руководитель:

- согласовывает индивидуальное задание на научно-исследовательскую работу;

- проводит необходимые организационные мероприятия по выполнению обучающимся задания производственной практики (научно-исследовательской практики);

- определяет общую схему выполнения исследования, режим работы обучающегося и осуществляет систематический контроль за ходом практики и научной работы обучающегося;

- оказывает консультационную помощь обучающемуся по всем вопросам, связанным с выполнением научно-исследовательской работы и оформлением отчета практики;

- дает рекомендации по изучению специальной литературы и методов исследования.

Обучающийся при выполнении научно-исследовательской работы получает от руководителя указания, рекомендации и разъяснения по всем вопросам, связанным с организацией и проведением работ, отчитывается о выполняемой работе в соответствии с рабочим графиком (планом) выполнения научного исследования.

Типовыми элементами индивидуального задания в соответствии с индивидуальным планом научного исследования являются:

- подготовка обзора отечественных и международных источников по теме научного исследования;

- составление первичного библиографического списка по выбранной теме;

- подбор международных и российских нормативных документов по теме исследования;

- сбор материалов для научного исследования по избранной теме;

  - написание и обработка текста научного исследования;

  - оформление и представление результатов научного исследования научному руководителю;

  - участие в научно-практических конференциях, семинарах, круглых столах, научно-исследовательской работе кафедры.

ПРИМЕРНЫЕ ТЕМЫ ИНДИВИДУАЛЬНОГО ЗАДАНИЯ НА НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКУЮ РАБОТУ

Раздел 1. Актуальные проблемы теории государства и права

1. Объект юридической науки.
2. Предмет юридической науки.
3. Способы конструирования предмета юриспруденции.
4. Способы структурирования юриспруденции.
5. Уровни юридической науки.
6. Философский уровень юридической науки.
7. Средний (догматический) уровень юридической науки.
8. Эмпирический уровень юридической науки.
9. Научные школы в юриспруденции.
10. Критерии научности юриспруденции: понятие, виды.
11. Практика как критерий научности юриспруденции.
12. Логика как критерий научности юриспруденции.
13. Институциональный критерий научности юриспруденции.
14. Способы институционализации юридического знания.
15. Понятие методологии науки.
16. Структура методологии науки.
17. Виды методов научного исследования в юриспруденции.
18. Герменевтика как метод научного исследования в юриспруденции.
19. Синергетика как метод научного исследования в юриспруденции.
20. Дискурс-анализ как метод научного исследования в юриспруденции.
21. Феноменология как метод научного исследования в юриспруденции.
22. Классические и постклассические методы юридического исследования.
23. Структура конкретного юридического исследования.
24. Стадии юридического исследования.
25. Оформление результатов юридического исследования.
26. Конкретные методики юридического исследования.

27. Понятие научной проблемы в конкретном научном юридическом исследовании.
28. Структура актуальности в конкретном научном юридическом исследовании.
29. Количественные и качественные методы научного анализа.
30. Диалектика как всеобщий научный метод.
31. Системный подход в юриспруденции.
32. Соотношение методологии и методики юридического исследования.
33. Объяснение в юриспруденции.
34. Понимание в юриспруденции.
35. Предсказание в юридическом исследовании.
36. Понятие научной новизны в конкретном научном юридическом исследовании.
37. Критерии теоретической значимости научного юридического исследования.
38. Методы эмпирического сбора данных в юриспруденции.
39. Метод анкетирования в юриспруденции.
40. Метод правового моделирования в юриспруденции.
41. Специфика сравнительно-правового метода.
42. Метод *case study* в юриспруденции.
43. Юриспруденция в Античности.
44. Средневековая юриспруденция.
45. Юридическая наука в Новое время.
46. История юриспруденции в России.
47. Юридическая наука в Новейшее время.
48. Юриспруденция в эпоху постмодерна.
49. Теория государства и права и другие социальные науки.
50. Пределы вмешательства государства в частную и общественную жизнь.

Раздел 2. История политических и правовых учений

1. Учение Платона о государстве и законах.
2. Политическое и правовое учение Аристотеля.
3. Цицерон и правовые учения рабовладельческой аристократии.
4. Римские юристы.

5. Политические и правовые идеи первоначального христианства.
6. Зарождение теократических доктрин: Августин Блаженный.
7. Политико-правовая теория средневековой схоластики: Фома Аквинский.
8. Политические и правовые идеи патриарха Никона и протопопа Аввакума.
9. Идеология «просвещенного абсолютизма».
10. Учение И. Канта о праве и государстве.
11. Учение Гегеля о государстве и праве.
12. Идеология консерватизма.
13. Взгляды И. Бентама на право и государство.
14. Политико-правовые идеи западников и славянофилов.
15. Учение Р. Иеринга о праве и государстве.
16. Психологическая теория права Л. И. Петражицкого.
17. Неолиберализм и консерватизм в XX в.
18. Нормативизм Г. Кельзена.
19. Нестыжательская и стыжательская политико-правовые концепции: Нил Сорский, Максим Грек, Иосиф Волоцкий.
20. Русская православная концепция государства и права.

Раздел 3. Актуальные проблемы истории международных отношений

1. Венская и Версальско-Вашингтонская системы международных отношений, сравнительный анализ.
2. Европа и мир после Первой мировой войны.
3. «Эра пацифизма» в международных отношениях 1920-е гг. (по материалам советской и зарубежной прессы).
4. У истоков антигитлеровской коалиции 1941—1942 гг. (по работам У. Черчилля).
5. Внешняя политика СССР в 1939—1941 гг.
6. Германский вопрос (1949—1990 гг.).
7. Распад Версальской системы международных отношений (1933—1939 гг.).
8. Ялтинско-Потсдамская (биполярная) система международных отношений: этапы формирования и эволюция.
9. Начало «холодной войны» в Европе. Доктрина Трумэна и план Маршалла.

10. Блоковая политика США после Второй мировой войны (1947—1990 гг.).
11. Формирование системы европейской интеграции в 1960—1980-е гг.
12. Международные отношения в районе Персидского залива (конец 1970-х — 1990-е годы).
13. Китайский фактор в годы «холодной войны».
14. Актуальные проблемы ближневосточного урегулирования (1947—1992 гг.).
15. Крупнейшие кризисы и конфликты эпохи «холодной войны»: сравнительная характеристика (по опубликованной дипломатической переписке).
16. Региональные интеграционные объединения и их влияние на мировые политические процессы.
17. Америка и германский вопрос: план Дауэса.
18. США и европейский «пацифизм»: Лига Наций и Пакт Бриана-Келлога.
19. Взгляды Ф. Рузвельта на внешнюю политику.
20. Политика «добраго соседа» в Латинской Америке.
21. Американские планы послевоенного переустройства мира на Ялтинской конференции.
22. Потсдамская конференция и смена американских внешнеполитических приоритетов.
23. Атлантизм или глобализм: противоречия внутри американской элиты.
24. Внешняя политика США после 11 сентября 2001 года: американоцентричный мир.
25. «Неустранимая свобода»: военная операция США в Афганистане.
26. Военная операция США в Ираке как реализация энергетической стратегии.
27. Внешнеполитическая стратегия администрации Б. Обамы: «пять столпов» внешней политики США.
28. Демократы и республиканцы: две модели американской внешней политики.
29. Либеральный и консервативный подходы в США к китайской политике США и развитие паназиатских тенденций в АТР.
30. Реализация стратегии США по изоляции России от стран СНГ.

Раздел 4. Борьба с коррупцией

1. Роль СМИ в борьбе с коррупцией.
2. Механизмы формирования антикоррупционной политики в России.
3. Коррупция в юридической сфере: проблемы и пути решения.
4. Механизмы формирования антикоррупционного сознания в обществе.
5. Роль общественных организаций в борьбе с коррупцией.
6. Коррупция в системе образования: анализ причин и путей борьбы.
7. Роль правоохранительных органов в борьбе с коррупцией.
8. Международный опыт борьбы с коррупцией.
9. Коррупция и политическая система: взаимосвязь и влияние.
10. Коррупция и нарушения прав человека.
11. Правовые аспекты борьбы с коррупцией.
12. Анализ механизмов предотвращения и противодействия коррупции в регионах России.
13. Коррупция и инновации: взаимосвязь и влияние.
14. Роль международных организаций в борьбе с коррупцией.
15. Коррупция и технологии: новые вызовы и возможности.

Раздел 5. Великая Отечественная война в современной истории страны

1. Германия в 1933—1945 гг. как нацистское государство: создание националистической идеологии.
2. Особенности итальянского фашизма.
3. Политика духовного порабощения населения и разрушение национальной культуры народов России в годы Великой Отечественной войны.
4. Преступления против мирного населения на оккупированных территориях в годы Великой Отечественной войны.
5. Подготовка Германии к войне: политика «обеспечения жизненного пространства» германской нации.
6. Первые шаги агрессии: аншлюс Австрии, Мюнхенский договор, захват Чехии, вторжение в Литву, аннексия Клайпеды (Мемель).

7. Причины и обстоятельства заключения пакта о ненападении между СССР и Германией (пакт Молотова-Риббентропа 1939 г.)

8. Нацистский террор. Механизмы уничтожения мирного населения.

9. Принципы хозяйственной жизни населения и налоговая политика в оккупированных районах в годы Великой Отечественной войны.

10. Экономическая эксплуатация территорий и угон населения в Германию.

11. Преступления против человечности в источниках международного уголовного права.

12. Система оккупационных администраций; приказы и директивы об уничтожении населения.

13. Судебные процессы над нацистскими преступниками на территории СССР в 1943—1949 гг. «Советский Нюрнберг».

14. Нюрнбергский трибунал: историческое значение и уроки для современности.

15. Изменение организации и функций советской прокуратуры в период войны в прифронтовой полосе и в глубоком тылу.

16. Выдающиеся прокуроры периода Великой Отечественной войны.

17. Участие прокурорских работников в боевых действиях, подпольном и партизанском движении.

18. Организация расследования преступлений немецко-фашистских войск и их пособников.

19. Судебные процессы над военными преступниками на территории СССР (1943—1947 гг.).

20. Роль советской прокуратуры в Нюрнбергском процессе.

21. Основные этапы Второй мировой войны на Тихом океане. Разгром милитаристской Японии.

22. Направления деятельности антигитлеровской коалиции. Ленд-лиз.

23. Концентрационные лагеря на оккупированной территории СССР и Восточной Европы.

24. Преступления нацистов и их пособников против несовершеннолетних.

25. «Летопись предательства»: пособники нацистов на оккупированных территориях в годы Великой Отечественной войны.

26. «Мы помним»: места массовых захоронений граждан, погибших от рук нацистов и их пособников в годы Великой Отечественной войны.

27. Восстановленные исторические памятники и музеи, подвергшиеся разрушениям и ограблению на временно оккупированных территориях в годы Великой Отечественной войны.

28. Участие Русской православной церкви в жизни мирного населения на оккупированной территории РСФСР.

29. «Русские Хатыни»: сожженные деревни на оккупированной территории РСФСР в годы Великой Отечественной войны.

30. Немецко-фашистская политика геноцида населения на оккупированной территории в годы Великой Отечественной войны.

Технические требования к оформлению научного исследования

Оформление работы представляет собой приведение текста научного исследования в полное соответствие с требованиями, предусмотренными программой производственной практики (научно-исследовательской практики).

Научная работа должна быть правильно оформлена (четкая структура, завершенность, правильное оформление библиографических ссылок, списка использованных источников, аккуратность исполнения).

Текст должен быть набран на компьютере в текстовом редакторе Word for Windows и отпечатан на одной стороне стандартных листов писчей бумаги формата А4.

Все страницы должны иметь сквозную нумерацию — от титульного листа до последней страницы. На титульном листе и листе, являющемся оборотом титульного листа, номер страницы не ставится, т. е. нумерация начинается с третьей страницы. Нумерация страниц располагается сверху по центру.

Заголовки выполняются без точки на конце строчными буквами жирным шрифтом с выравниванием по центру. Автоматическая нумерация в заголовках не допускается, нумерация набирается вручную. Переносить слова в заголовке не допускается.

Стиль оформления основного текста должен содержать следующие установки. Шрифт «Times New Roman» черного цвета. Выравнивание — по ширине. Размер шрифта — 14. Абзацный

отступ — 1,25. Расстояние между строками текста — одинарный межстрочный интервал, между текстом и заголовками — 3 интервала. Перенос — автоматический «Макет — Расстановка переносов». Поля: верхнее и нижнее — 20 мм, левое — 30 мм, правое — 15 мм.

Текст набирается с соблюдением следующих правил: не допускается автонумерация в главах и абзацах, все набирается вручную; при наборе должны различаться тире и дефисы; используются основные кавычки одного рисунка; между инициалами и после них (перед фамилией) ставится неразрывный пробел (Shift+Ctrl+Пробел).

При наборе сносок необходимо использовать строку «Вставить сноску» в опции «Ссылка», нумерация сносок должна быть задана «Автоматическая», начинаться на каждой странице.

При наборе таблиц текст должен содержать следующие установки. Шрифт «Times New Roman» черного цвета. Выравнивание — по ширине. Размер шрифта — 12. Абзацный отступ — 0. Расстояние между строками текста — одинарный межстрочный интервал. Перенос — автоматический «Макет — Расстановка переносов».

Текст должен быть кратким, четким, не допускающим различных толкований. Применяемые термины, обозначения и определения должны быть общепринятыми в научной литературе.

Текст должен быть тщательно проверен (вычитан). Научное исследование студента должно быть вложено в файл (папку).

Общие требования к оглавлению: текстуальное совпадение заголовков внутри работы и в оглавлении; выдержанность смысловой соподчиненности заголовков; полнота состава заголовков; точное и полное отражение структуры текста; функциональность построения; номера заголовков в форме арабских цифр включают в правый край так, чтобы точки после них перед текстом заголовков образовали вертикаль и сами тексты заголовков начинались от одной вертикали. Заголовок «СОДЕРЖАНИЕ» набирается прописными буквами жирного начертания, заголовки глав и параграфов — строчными буквами, а начинаются с прописных букв. Последнее слово каждого заголовка соединяют отточием с соответствующим ему номером страницы в правом столбце содержания (страница окончания структурной части работы не проставляется).

Каждый раздел должен начинаться с новой страницы. Это же правило относится к таким основным структурным составляющим, как введение, библиографический список. Расстояние между заголовком и подзаголовком, заголовком и последующим текстом отделяют двумя пустыми строками; расстояние между заголовком подраздела и текстом — одной пустой строкой. Заголовки (подзаголовки) располагаются по центру.

Библиографическая ссылка составляется по ГОСТ Р 7.0.5-2008 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления», ГОСТ Р 7.0.108-2022 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографические ссылки на электронные документы, размещенные в информационно-телекоммуникационных сетях. Общие требования к составлению и оформлению» и содержит библиографические сведения о цитируемом, рассматриваемом или упоминаемом в тексте документе, другом документе, необходимые и достаточные для его идентификации, поиска и общей характеристики.

Библиографическая ссылка составляется на документ в целом или на его составную часть. Допускается предписанный знак (точку и тире), разделяющий области библиографического описания, заменять точкой.

Сведения, сформулированные на основе анализа документа, а также заимствованные из источников вне документа, во всех областях библиографического описания приводят без квадратных скобок.

Библиографический список включает нормативные правовые акты, материалы практики и литературу, использованные при подготовке конкретного научного исследования. Все указанные в тексте авторы и их работы (если имеется хотя бы одна ссылка), а также процитированные труды должны быть отмечены в этом списке.

Список оформляется в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.100-2018 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления».

Примеры оформления библиографической ссылки

Нормативные акты

Всеобщая декларация прав человека : принята Резолюцией 217А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 г. / Организация Объединенных Наций. Электрон. версия. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения 17.11.2024).

О недрах : Федеральный закон от 21 февраля 1992 г. № 2395-1 : текст с изм. и доп. на 8 авг. 2024 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (или: // КонсультантПлюс : сайт. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_343/ (дата обращения: 17.11.2024).

Один автор

Павлов В. И. Проблемы теории государства и права : учеб. пособие. Минск, 2017. С. 102.

Андрианов Н. В. Воспроизводство права как проблема семиотики права // Постклассическая онтология права : монография / А. С. Александров, И. А. Александрова, С. И. Максимов [и др.] ; под. ред. И. Л. Честнова. СПб., 2016. С. 523. (Толкование источников права).

Наумов А. В. Уголовная ответственность юридических лиц // Lex russica. 2015. № 7. С. 57.

или

Наумов А. В. Уголовная ответственность юридических лиц // Lex russica. 2015. № 7. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/ugolovnaya-otvetstvennost-yuridicheskikh-lits/viewer> (дата обращения: 10.05.2024).

Ницше Ф. К. Генеалогии морали // Сочинения. В 2 т. Т. 2. М., 1990. С. 415.

Гилинский Я. И. Девиантность, преступность, социальный контроль в обществе постмодерна : сб. ст. СПб., 2017. С. 118.

Жалинский А. Э. Избранные труды. В 4 т. Т. 3. Уголовная политология. Сравнительное и международное уголовное право / сост. К. А. Барышева [и др.] ; отв. ред. О. Л. Дубовик. М., 2015. С. 314.

Шумилов А. Ю. Оперативно-разыскная наука в Российской Федерации. Монография. В 3 ч. Ч. 1. Оперативно-разыскная деятельность и формирование науки о ней. М., 2013. 454 с. (Теория и практика профессионального сыска).

Гинберг М. С. Понятие и система технических преступлений // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2009. № 4 (21). С. 186.

Киссенджер Г. О Китае / пер. с англ. В. Н. Верченко. М., 2017. С. 315.

Зорькин В. Д. Право метамодерна: постановка проблемы. Лекция на IX Петербургском международном форуме (Санкт-Петербург, 16 мая 2019 года) // Российская газета. 2020. 26 дек. Электрон. версия. URL: <https://rg.ru/2020/12/26/zorkin-priverzhennost-vernoj-filosofii-prava-pozvoliaet.tvorit-dobro.html> (дата обращения: 17.12.2023).

Домкин П. Что относится к средствам платежей? (статья 187 УК РФ) // Домкины и партнеры : Адвокатское бюро в городе Москве : сайт. URL: <https://www.advodom.ru/practice/advokat-sredstva-platezhej-po-state-187-uk-rf.php> (дата обращения: 17.12.2024).

Два, три автора

Воронцов А. А., Субанова Н. В. Некоторые вопросы привлечения к ответственности за воспрепятствование предпринимательской деятельности // Военное право : электрон. журн. 2017. № 6 (46). С. 214. URL: <http://voennoepravo.ru/files/6-17.pdf> (дата обращения: 17.11.2024).

Александров А. С., Власова С. В. Антидогматика: новое понимание уголовного процесса и права // Российский журнал правовых исследований. 2019. Т. 6, № 1 (18). С. 53—63.

Бейкер Г. П., Хакер П. М. С. Скептицизм, правила и язык / пер. В. А. Ладова, В. А. Суровцева. М., 2008. С. 51. (Библиотека аналитической философии).

Буторин Л. А., Буторина О. Л., Буторина Т. Л. Прокурорский надзор за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность. М., 2023. С. 23.

Хардт М., Негри А. Империя / пер. с англ. под общ. ред. Г. В. Каменской. М., 2004. С. 105.

Четыре автора

Особенности аудита обоснования начальной (максимальной) цены контракта при осуществлении закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд / Н. А. Проданова, Е. И. Зацаринная, Л. Н. Коршунова, А. Л. Гендон // *Аудитор*. 2018. Т. 4, № 1. С. 19—23.

Более четырех авторов

Юридический конфликт : монография / О. А. Акопян, С. Б. Бальхаева, А. А. Головина [и др.] ; отв. ред. Ю. А. Тихомиров. М., 2019. С. 216.

Пример оформления библиографического списка

1. Андрианов Н. В. Воспроизводство права как проблема семиотики права / Н. В. Андрианов // *Постклассическая онтология права : монография* / А. С. Александров, И. А. Александрова, С. И. Максимов [и др.] ; под ред. И. Л. Честнова. — Санкт-Петербург : Алетей, 2016. — С. 509—561. — (Толкование источников права).

2. Бейкер Г. П. Скептицизм, правила и язык / Г. П. Бейкер, П. М. С. Хакер ; пер. В. А. Ладова, В. А. Суровцева. — Москва : Канон+, 2008. — 240 с. — (Библиотека аналитической философии).

3. Воронцов А. А. Некоторые вопросы привлечения к ответственности за воспрепятствование предпринимательской деятельности / А. А. Воронцов, Н. В. Субанова // *Военное право : электрон. журн.* — 2017. — № 6 (46). — С. 211—341. — URL: <http://voenpravo.ru/files/6-17.pdf> (дата обращения: 17.11.2024).

4. Джеймисон Ф. Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма / Ф. Джеймисон ; пер. с англ. Д. Кралечкина ; под науч. ред. А. Олейникова. — Изд. 2-е, испр. — Москва : Изд-во Ин-та Гайдара, 2019. — 799, [12] с.

5. Жалинский А. Э. Избранные труды. В 4 т. Т. 3. Уголовная политика. Сравнительное и международное уголовное право / А. Э. Жалинский ; сост. К. А. Барышева [и др.] ; отв. ред. О. Л. Дубовик. — Москва : Изд. дом Высшей шк. экономики, 2015. — 618, [1] с.

6. Киссенджер Г. О Китае / Г. Киссенджер ; пер. с англ. В. Н. Верченко. — Москва : АСТ, 2017. — 640 с.
7. Наумов А. В. Уголовная ответственность юридических лиц / А. В. Наумов // *Lex russica*. — 2015. — № 7. — С. 57—63.
8. Наумов А. В. Уголовная ответственность юридических лиц / А. В. Наумов // *Lex russica*. 2015. № 7. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/ugolovnaya-otvetstvennost-yuridicheskin-lits/viewer> (дата обращения: 10.05.2024).
9. Ницше Ф. К генеологии морали / Ф. Ницше // *Сочинения*. В 2 т. Т. 2. — Москва : Мысль, 1990. — С. 408—524.
10. Павлов В. И. Проблемы теории государства и права : учеб. пособие / В. И. Павлов. — Минск : Акад. МВД, 2017. — 262, [2] с.
11. Социокультурная антропология права : коллективная монография / [Н. А. Исаев, И. Л. Честнов, Н. А. Данилова и др.] ; под ред. Н. А. Исаева, И. Л. Честнова. — Санкт-Петербург : Алф-Пресс, 2015. — 847 с.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Афанасьев В. В. Методология и методы научного исследования : учеб. для вузов / В. В. Афанасьев, О. В. Грибкова, Л. И. Уколова. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва : Юрайт, 2023. — 163 с. — (Высшее образование). — Юрайт : образовательная платформа : [сайт]. — URL: <https://urait.ru/bcode/514435> (дата обращения: 21.12.2024).
2. Горелов Н. А. Методология научных исследований : учеб. и практикум для вузов / Н. А. Горелов, Д. В. Круглов, О. Н. Кораблева. — 3-е изд., перераб. и доп. — Москва : Юрайт, 2024. — 390 с. — (Высшее образование). — Юрайт : образовательная платформа : [сайт]. — URL: <https://urait.ru/bcode/511358> (дата обращения: 21.12.2024).
3. Дрецинский В. А. Методология научных исследований : учеб. для вузов / В. А. Дрецинский. — 3-е изд., перераб. и доп. — Москва : Юрайт, 2024. — 349 с. — (Высшее образование). — Юрайт : образовательная платформа : [сайт]. — URL: <https://urait.ru/bcode/514505> (дата обращения: 21.12.2024).

4. Лебедев С. А. Методы научного познания : учеб. пособие / С. А. Лебедев. — Москва : Альфа-М : ИНФРА-М, 2019. — 271, [1] с. — Znanium : электронно-библиотечная система. — URL: <https://new.znanium.com/catalog/product/1000577> (дата обращения: 12.12.2024).

5. Методические рекомендации по написанию выпускных квалификационных работ, курсовых работ и рефератов : метод. пособие / Д. А. Безбородов, Н. М. Иванова, О. Н. Коршунова [и др.] ; под общ. ред. А. В. Сальникова. — Санкт-Петербург : С.-Петерб. юрид. ин-т (фил.) Ун-та прокуратуры Российской Федерации, 2020. — 95, [1] с.

6. Методические рекомендации по подготовке, принятию и защите диссертации на соискание ученой степени кандидата и доктора юридических наук / Акад. Генеральной прокуратуры Российской Федерации ; под общ. ред. О. С. Капинус. — Москва : АГП РФ, 2012. — 64 с.

7. Мокий В. С. Методология научных исследований. Трансдисциплинарные подходы и методы : учеб. пособие для вузов / В. С. Мокий, Т. А. Лукьянова. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва : Юрайт, 2024. — 229 с. — (Высшее образование). — Юрайт : образовательная платформа : [сайт]. — URL: <https://urait.ru/bcode/539991> (дата обращения: 21.12.2024).

8. Селетков С. Г. Методология диссертационного исследования : учеб. для вузов / С. Г. Селетков. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва : Юрайт, 2024. — 281 с. — (Высшее образование). — Юрайт : образовательная платформа : [сайт]. — URL: <https://urait.ru/bcode/519669> (дата обращения: 21.12.2024).

9. Сырых В. М. История и методология юридической науки : учебник / В. М. Сырых. — 2-е изд., доп. и перераб. — Москва : Норма, 2024. — 512 с.

10. Честнов И. Л. Методология и методика научного исследования : учеб. пособие / И. Л. Честнов. — Санкт-Петербург : С.-Петерб. юрид. ин-т (фил.) Ун-та прокуратуры Российской Федерации, 2018. — 125 с.

Учебное издание

Елена Евгеньевна АМПЛЕЕВА
кандидат юридических наук, доцент

Ирина Борисовна ЛОМАКИНА
доктор юридических наук, профессор

Оксана Евгеньевна ТИМОЩУК

Илья Львович ЧЕСТНОВ
доктор юридических наук, профессор

**ПРОИЗВОДСТВЕННАЯ ПРАКТИКА
(НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ПРАКТИКА)**

Учебное пособие

Редактор *Н. Я. Елкина*
Компьютерная правка и верстка *Н. В. Федорченко*

Подписано в печать 19.12.2024. Формат 60х90/16
Печ. л. 7,25. Тираж 500 экз. (1-й з-д 1—110). Заказ 37/24

Отдел научной информации и издательской деятельности
Санкт-Петербургского юридического института (филиала)
Университета прокуратуры Российской Федерации

Отпечатано в Санкт-Петербургском юридическом институте (филиале)
Университета прокуратуры Российской Федерации
191014, Санкт-Петербург, Литейный просп., 44